



Елена Янук

Я отыщу тебя в прошлом

Фэнтези • Любовный роман • Приключения



Annotation

Он – бывший военный, сражавшийся против Наполеона, ныне обаятельный денди, богатый граф и перспективный жених. Она – молодой историк-практик из будущего – появилась в Лондоне XIX века напрямую с космической станции, девушка с великолепным умением вести как бой, так и светскую беседу, знающая историю как никто другой, но теряющаяся рядом с блестящим графом.

Им предстоит сразиться с врагами, найти друзей и наказать предателей. Но что их связывает? Тайна? Враги? Раритет? Приключения? Нет – ЛЮБОВЬ!

Елена Янук

Я отыщу тебя в прошлом

Артур

Едва сдерживая гнев, я буквально выхватил плащ и шляпу из рук престарелого Джейсона, рывком открыл дверь матушкиного дома и пулей вылетел на улицу, так и не одевшись.

Сегодня маман на корню раздавила мои попытки продемонстрировать ангельское терпение по поводу ее докучливых напоминаний о погибающем титуле и моем недостойном наследнике, не к ночи упомянутом кузене Гаррете, мистере Дрейке.

«Женись, Артур!» По-моему, это выражение уже можно вышивать золотыми буквами на красном фоне фамильного герба Инсбруков. Такое ощущение, что весь свет ополчился на холостых лордов. По матушкиным словам, по крайней мере. Я быстро шел по вечерней улице Лондона, блестевшей после недавнего дождя, слишком раздраженный и взволнованный, чтобы спокойно сидеть в экипаже. Посему до клуба предпочел идти пешком, чтобы успокоиться и привести чувства и мысли в порядок. Но и сквозь четкий шум шагов мне слышались строгие матушкины слова:

«Артур, бегаешь от ответственности, словно безусый юнец! Судя по всему, ты на самом деле намереваешься передать свои владения Гаррете? – Она в этом месте обязательно повышала голос. – Он тотчас спустит их за игорным столом, как имение своего отца или наследство бабушки! И это ты! Ты! Единственный сын и наследник графа Инсбрука!» – Затем шла трагическая реприза из трех вздохов и использования платочка у глаз.

И это после того, как я сам приобрел свое состояние, получив в наследство от родителя только долги и ограбленную войной и изуверским правлением землю!

Маман у меня замечательная, но если что замыслит – хоть в Шотландию убегай, настигнет и начнет с того, на чем закончила.

Я замедлил шаг, поправив плащ и шляпу, натянул перчатки.

Сегодня после посещения портного я как раз надел новый фрак и самый модный в этом сезоне шелковый жилет лилового цвета. По оценке моего камердинера, все вместе смотрелось ангельски прекрасно. Да хоть дьявольски ужасно, но после визита к матушке мне совсем расхотелось идти на прием, так что все старания старого Джека о моем костюме были, увы, потрачены впустую.

Мимо на немыслимой скорости пронесся новый экипаж графини Торнхилл, забрызгав меня уличной грязью. Я скверно выругался, пытаюсь отряхнуть плащ от дурно пахнувших конским навозом капель. Две скромные молодые девушки из мещан в простеньких шляпках, шедшие по улице в сопровождении служанки, в ужасе перешли на другую сторону. Наверно, слишком громко высказался. Кхм... Я повертел тростью и поднес руку к полям шляпы, нагло приветствуя и так испуганных мисс, но они, как и ожидалось, высокомерно фыркнув, только прибавили шаг. Наблюдая их бегство, я негромко рассмеялся. Подняв руку, остановил пустой кеб, появившийся из-за поворота на Мейфер.

– «Уайт-клуб»...

Кебмен, закутанный в зеленый шерстяной плащ, равнодушно кивнул. Заплатив ему несколько шиллингов, я аккуратно устроился на сиденье, мечтая поскорее оказаться в спокойном месте, чтобы, потягивая отличное бренди, вести неспешный разговор с друзьями и не слышать ни слова о браке, продолжении рода или обязанностях графа!

Добравшись до клуба, я не стал ждать остановки и совсем несолидно выпрыгнул из тормозившего кеба. А то меня и вовсе зачислили в старики! В голове звучало матушкино беспрестанное: «Артур, ты не мальчик! Тебе уже двадцать девять лет!»

Ловко приземлившись на носочки, я огляделся, отыскивая взглядом свидетелей моих безумств. Таковых на улице не оказалось. Вот и славно! Довольный собой, быстро поднялся по трем мраморным ступеням и резво постучал позолоченным молотком в виде львиной головы в массивные двери клуба.

– Рад видеть вас, лорд Инсбрук! – Открыв дверь, густым басом с легким йоркширским акцентом меня приветствовал новый швейцар с франтовскими усами, неделю назад появившийся в заведении. Отступив, Джон своей массивной фигурой вытянулся передо мною во фронт. Настоящий британский солдат этот великан с добродушным лицом.

По-армейски коротко кивнул бывалому воину и передал ему трость, плащ, шляпу с перчатками с просьбой все почистить. Тот кивнул тоже и поклонился. Вот и хорошо.

Я вошел в гостиную и с удовольствием вдохнул по-мужски приятный, непередаваемый запах клуба, состоящий из ароматов дорогих сигар и мужской свободы.

Сначала в поисках друзей быстро поднялся по лестнице из мореного дуба и заглянул в комнату на втором этаже, где за карточными столами шла горячая игра, сопровождаемая взволнованными репликами наблюдателей, но там никого из приятелей, тем более графа Клея, не было. В гостиной тоже... Я поприветствовал знакомых джентльменов и отправился искать дальше.

Наконец Эдмонд обнаружился в читальне клуба, уютно пристроившийся на диване рядом с камином в компании старого лорда Клифтона, присевшего в кресло под финиковой пальмой, специально выписанной из Индии новым управляющим. В комнате пахло сосновыми дровами и выдержанным бренди, за кругом свечей расплывался сумрак. Что же... довольно уютно.

Перед джентльменами на круглом столике стоял графин с янтарным бренди и лежали свежие газеты. Но граф Эдмонд Клей, мой друг еще со времен учебы в Итоне, соперник в завоевании ветреных женских сердец, отложив все, серьезно беседовал с пожилым лордом по поводу политического альянса перед предстоящими выборами.

Да, лорд Клей – заядлый политик.

Внимательно посмотрев на увлеченных беседой пэров, я задумался. Как старый картежник не может обходиться без игры, так и Эд не мог без политики. Я ни одного из данных увлечений не разделял, поэтому даже несколько жалел, что застал приятеля в столь любимой им обстановке.

Вздыхнув, еще раз осмотрел читальню: вдруг, на мое счастье, здесь окажутся еще посетители и мне удастся с их помощью отвлечь друга от обсуждения парламентских баталий?

Но, увы... Кроме них, в читальне никого не было. После обеда эта комната обычно пустует, так как джентльмены вечерами предпочитают развлечения куда интересней чашки кофе и стопки свежих газет.

К своему стыду, я никогда не придавал обязанностям пэра Англии столько значения. Разочаровавшись в политике лет пять назад, решил уделять больше сил и времени своим арендаторам и рабочим на шахтах, чем решать политические вопросы в парламенте. Впрочем, мой эгоистичный порыв принес пользу всем – не только простому люду, живущему на моей земле, но и мне, – солидно пополнив кошелек, опустошенный за карточным столом

азартным родителем.

– Я рад видеть вас, лорд Клифтон, и тебя, сэр Эдмонд. – Я коротко, но с достоинством поклонился.

Джентльмены, встав, раскланялись в ответ, а лорд Клифтон в манере прошлого века витиевато отозвался, что рад приветствовать меня в их скромной компании. Дождавшись окончания спича велеречивого виконта, я устроился на диванчике рядом с Эдмондом.

Пожилой официант в синей ливрее с золотыми пуговицами сразу принес мой постоянный заказ: графинчик бренди, сигару и бокал холодной воды. Вспомнив с грустью, что за весь день так и не пообедал, удовлетворившись только легким и таким давним завтраком, я налил себе полный бокал бренди и разом выпил. Лорд Клей смотрел на это, удивленно подняв брови.

– Что с тобой, Артур?

Я поставил пустой бокал на столик, вздохнул тяжело, как все трубы Эола разом, и выпалил:

– В конце концов, я решился в угоду матушке обзавестись супругой!

Теперь у лорда Клея к поднятым бровям присоединились огромные, словно распахнутые в удивлении глаза.

Я усмехнулся. Вновь налил себе полный бокал янтарного напитка, который проглотил еще быстрее, согревшись изнутри. На третьем бокале, печально вздыхая, рассказал о своей такой несносной в последнее время жизни. В голове приятно шумело. Язык слегка заплетался. Огонь в камине танцевал восточные танцы. От их созерцания меня оторвал лорд Клей.

– Так ты не пошутил, что ищешь жену? – уточнил друг, забыв о бренди.

Я, прикрыв глаза, сильно зажмурился и вновь открыл, медленно отвечая:

– Ищу... Хожу кругом и ищу. – Я единственный, кто улыбнулся своей шутке.

– Милорд, разве это делают не в Олмаке [□](#)? Ну, в крайнем случае, на каком-нибудь официальном приеме? – глотая бренди маленькими глоточками, усмехнулся лорд Клифтон, который, по всей вероятности, решил, что я не знаю, где искать себе жену.

Я намеревался ему ответить, но меня отвлек друг.

– Поскольку ты все-таки граф Инсбрук, богатый, как Крез, а твоя внешность не оставит равнодушной ни одну женщину на свете, то, будь ты хоть распоследним нищим, тебе повернуть такое ничего не стоит! – спокойно высказался Эдмонд, с сомнением оглядывая мой до чрезвычайности модный наряд.

В затуманенных мозгах промелькнула одна мудрая мысль. А не «порадовать» ли мне матушку особенно «желанной» невесткой? Она ведь так на это рассчитывает! Просто-таки уповает.

Обдумывая месть, незаметно похлопывая ладонью по колену, я энергично пояснил пожилому виконту:

– В Олмаке нельзя пить, а мне нужна жена безотлагательно! Особенная жена! – уточнил я и, немного подумав, добавил: – Во-первых, несимпатичная, скорее наоборот. Во-вторых, глупая, чтобы не могла двух слов связать, и, в-третьих, богатая! Мое состояние находится не в столь блестящем состоянии, как это принято считать в обществе.

– Значит, ты собираешься жениться на непривлекательной девушке только назло ее светлости? – изумился виконт Клифтон, чрезвычайно обожавший сплетни.

– Совершенно верно, – подтвердил я. – Прежде я не обращал внимания на ее

постоянные просьбы, но сегодня маман исчерпала до дна все мое терпение... или я ее.

Новая идея с «выдающейся» невесткой нравилась мне все больше и больше. Я налил остатки бренди из графина в бокал и ловко допил. Маман мечтает иметь невестку?! Она ее обретет! И сама будет терзаться, будет стесняться новой родственницы на балах! В тот момент столь примитивная мысль, что жить с подобной женщиной придется мне, – даже в голову не пришла.

Тут в ход моих глубоких мысленных рассуждений о невесте вмешался пожилой виконт; склонив голову, он с недоверием поинтересовался:

– Милорд, это такая шутка?

– Нет... – сказал я, откинувшись немного назад и пристально рассматривая взволнованного лорда Клифтона.

Тот отодвинул свой едва начатый бокал с вином и медленно произнес:

– Тогда у меня есть кандидатура. У нее имеется достаточно серьезный внешний недостаток, при этом за месяц от нее никто двух слов не слышал. Главное – отец оставил мисс солидное наследство. По слухам – чрезвычайно солидное! – Он фамильярно подмигнул, чем испортил эффект от серьезной речи.

Я нахмурился и осмотрел столик на наличие бренди, но, обнаружив только бокал холодной воды, скривился и раздраженно позвал официанта. Повернувшись к виконту, все еще ожидавшему моей реакции, равнодушно спросил:

– Так кто она такая, эта ваша подходящая мисс?

– Воспитанница графини Торнхилл, мисс Джулиана Дункан.

Появился долгожданный официант с новым графином. Наблюдая за его движениями, пока он расставлял на столике снифтеры и наливал нам коньяк, я между делом расспрашивал виконта.

– И что с ней? Что за серьезный недостаток? Надеюсь, это не бородавка на носу? – с пьяной усмешкой спросил я.

Эдмонд задумчиво наблюдал за нами.

– Неужто вы не слышали про драгун-девицу? – Виконт совсем опешил от осознания подобной нелепости, что я настолько не в курсе последних светских сплетен. – Она на самом деле родная внучка графини от непутевой дочери, вышедшей замуж за безродного шотландского торговца.

– Да, что-то слышал, – безразлично ответил я и плотно взялся за второй графин.

Граф Клей попытался великодушно вразумить меня по старой дружбе, мягко отодвигая емкость с бренди. Но под моим гневным взглядом остановился, разочарованно махнув рукой, невозмутимо нам откланялся и с достоинством вышел из комнаты. Как я понял, он направился к карточным столам. Виконт, проводив невозмутимого сэра Эдмонда любопытным взглядом, продолжил, повернувшись ко мне:

– Ее родители покинули этот бранный мир вместе с судном, переправлявшим их через Ла-Манш. Девушка осталась сиротой. Так вот... – торжественно подвел итог лорд Клифтон, – ...папаша-торговец оставил доченьке огромное состояние! – Его голос был уже едва слышен, казалось, он говорил душой или чем-то еще, что находилось у него в груди...

– Почему я о ней раньше не слышал? – Мой язык предательски оступался и падал.

– Ее воспитывала тетя со стороны отца, жившая где-то на северном побережье Шотландии. Только после ее смерти девушку забрала к себе графиня Торнхилл.

Лорд Клифтон был лучшей в Лондоне «энциклопедией» по дворянству. Он являлся

членом десятка мужских клубов, постоянно посещал Татерсолз^[2], поддерживая знакомство с мелким дворянством. Посему меня не удивляла столь детальная осведомленность о предмете разговора. Осталось уточнить частности, пока я еще мог держать мысли в куче.

– Так, а отчего она «драгун-девица»?

Глаза Клифтона излучали чистое лукавство. Могу побиться об заклад, он сей момент обдумывает, каким тоном завтра вечером будет передавать этот анекдот на еженедельном суаре супруге, леди Агаты Клифтон.

– А это вы поймете, как только повидаете ее! Может, сразу и откажетесь жениться... – осторожно заметил виконт.

– Не откажусь! Надо скорее покончить с этим! – упрямо протянул я, постукивая пальцами по деревянному подлокотнику диванчика. – Предлагаю заключить пари!

На слово «пари» со всех сторон клуба, словно бабочки на свет, слетелись заинтересованные джентльмены. Радостное оживление окружающих подняло мне настроение и почему-то разогнало последние сомнения в правильности поступка. Пари в «Уайте» всегда считалось любимым развлечением большинства джентльменов. Даже самых пресыщенных забавами.

Официант по моей просьбе доставил к нашему столику книгу для записей и перо с чернилами... Лорд Клей, появившийся с другими джентльменами, попытался меня остановить, но ставки были уже сделаны!

Заказав еще графинчик довоенного французского коньяка, я поставил тысячу фунтов на то, что женюсь на воспитаннице графини Торнхилл, какой бы дурнушкой она ни была!

Виконт Клифтон поставил свою тысячу на то, что такой эстет по части дам, как я, не сможет перенести до такой степени нештучного внешнего несовершенства девушки и отступится, решив не связывать себя на всю жизнь столь ужасным во всех смыслах мезальянсом, как брак с мисс Дункан.

Когда мы с виконтом выходили из клуба, вслед неслись громкие голоса азартных джентльменов, все еще делающих ставки. Завтра книга записей пари распухнет в два раза.

Джил

Я родилась на орбитальной станции «Астера-1001».

Вот так незамысловато назывался мой единственный дом, в котором я жила до девятнадцати лет. Родителей, как и у остальных девочек на станции, у меня не было. Сирот собирали по всей галактике и обучали самому необходимому.

Девушки с «Астеры-1001» ценились как лучшие специалисты и ответственные профессионалы. Нас требовательно готовили по техническим и гуманитарным предметам в самых сложных программах.

Особенно нелегко было на предметах гармоничного развития тела. Тренировки, тренировки, тренировки – каждый день. Этот курс начинался по исполнению четырех лет и постепенно расплзался на виды и подвиды, к десяти годам перерастая в восемь различных предметов.

Основными были: танцы, плавание и спецборьба для женщин. Это уже потом мы выбирали, кто и чем еще хочет заниматься дополнительно. Так как я с пеленок мечтала стать историком, то выбрала бой на шпагах и стрельбу из лука. Мало ли что может пригодиться в будущем, ведь неизвестно, в какое время направят работать...

С подругами мы ходили в школу с трех лет, потом старательно учились выбранным по

желанию наукам на высших курсах. Несмотря на их усложненность (они были специально разработаны для «детей науки» – общепринятое название для детей-сирот с подобных станций), мне учеба давалась легко.

Сколько себя помню, у нас был лозунг, который все поддерживали и старались соблюдать не за страх, а на совесть, как говорили в далеком прошлом. Он звучал примерно так, меняясь под нужные темы: «Пусть наводнение топит, вулкан сжигает, только «Астера» всех спасает!» То есть от наших знаний и умений зависело состояние науки современного многосистемного мира. Так и было на самом деле: наших девушек расхватывали и подкупали, соблазняя всякими благами, лишь бы переманить к себе на работу.

С мужчинами мы почти не общались и вообще... за все эти годы видели только троих преподавателей военных наук, и все. Никаких мальчиков, а тем более юношей. Считалось, что это мешает процессу обучения, отвлекая от важных научных разработок.

Конечно, пуританских запретов на общение с противоположным полом не было, просто это считалось нецелесообразным. Вот и главный закон моей жизни, которому подчинялось и подчиняется все, – целесообразность!

Мы с девочками любили наших воспитательниц как родных. Здесь, на Астере с нами всегда оставались только лучшие, те, кто искренне любил ничейных девчонок. Другие здесь не задерживались. В трехтысячном женском коллективе сразу видно, кто и как к сиротам относился.

Но теперь это в прошлом!

В данный момент я стою посередине главного зала в толпе подруг с дипломом историка в одной руке, охапкой белых искусственных цветов – в другой и плачу, как малютка-школьница... И мне страшно. Безумно страшно!

Другой жизни я не знала, но где-то за полгода до получения диплома подписала контракт со стационарным институтом истории – на целых три года. Они мне выделили квартиру на своем «Цезаре-2000» с огромным количеством кредиток на счету и личным транспортом для полетов на Землю.

Вот она, свобода и счастье как плата за годы усиленной учебы и труда над собой... А мне все равно горько до боли расставаться с родными подругами, с воспитателями и учителями, своей комнатой и всей прошлой жизнью... А главное – страшно, ведь ничего, кроме своей станции, не знаю.

И это я плачу – с ума сойти! Я, которая никогда не позволяла себе плакать ни от боли, ни от обиды, ни от одиночества в толпе. Хотя сейчас плакали все. И мы, окончившие учиться и отбывающие работать по галактике, и наши подруги, которые пока остаются здесь, и все любимые взрослые, от нянечек до директрисы.

Кое-как справившись с болью, я пошла в свою комнату, по дороге воткнув букет в прозрачную кристаллическую вазу на учительском столе. Я больше подобного прощания не выдержу! Всхлипнув против воли, притронулась пальцем к голубому сенсору на люке и вошла к себе. В комнате был непривычный беспорядок. Сложив разбросанные перед Праздником Окончания вещи, принялась собираться в путь.

Все, что находилось в комнате, считалось моим, но если у меня будет высокая оплата за труд в институте, то зачем это брать? Просто стыдно. Я привела комнату в идеальный порядок, чтобы новая девочка, которую поселят здесь, чувствовала себя в ней хорошо. Установив свои игрушки по порядку, поправила постель, пальчиком погладила монитор читалки...

Прощай, милое детство! Теперь мне было жалко себя.

Подхватив небольшую пластиковую сумку с необходимыми на первое время вещами, отправилась к главному шлюзу, где меня уже ждал автоматически настроенный катер для отправки в новую жизнь.

Глава 1

Знакомство

Джил

Оглядев свою новую квартиру в стиле нью-голубой ампир, я растерялась. Неприветливая девушка, сопровождавшая меня с момента прибытия, попрощалась и, не оборачиваясь, ушла по длинному серому коридору со стрелками-указателями по бокам, ведущему неизвестно куда, оставив меня самостоятельно осваивать эту огромную площадь.

Мою площадь!

Прогулявшись по трем со вкусом обставленным комнатам, осталась довольна. Нет, даже счастлива! Но все же подумала: если в дальнейшем меня не будут устраивать ее гигантские размеры, попрошу заменить. Но пока торопиться не буду.

Я разложила сумку по одежным отсекам и только взялась за выпускное платье, как у меня на руке завибрировал кристальный браслет. Ага, заметили прибытие моего катера. Включив передатчик, выяснила, что у себя в кабинете меня ожидает руководитель института Джонкс Рами. Хорошо, что переодеться не успела: идти знакомиться с начальником лучше при всем параде.

Пригладив для успокоения и так уложенные волосы, вслух приказала отвести себя в кабинет директора – тотчас на стенах синим цветом загорелись тонкие стрелки указателей. Добравшись до нужного кабинета, расположенного на том же этаже, но чуть дальше по коридору, я негромко постучала и вошла в проем услужливо отворившейся двери. Внутри у меня все сжималось от напряжения, но на лице сияла доброжелательная улыбка.

Кабинет был образчиком роскоши из дорогих бумажных журналов. Почти как моя новая квартира. В углу на великолепном диване, сделанном по канонам нью-рококо со всеми его ракушками и завитушками, сидел руководитель института Джонкс Рами. Довольно молодой мужчина с приятной улыбкой, голубыми глазами и короткими светлыми, почти дамскими локонами. При моем появлении в кабинете он учтиво поднялся и вежливо кивнул, приветствуя.

Я подошла ближе. Директор, нажав на сенсо, убрал рабочий экран, и комната превратилась из кабинета в простое и уютное помещение.

– Значит, это вы специалист-историк Джулиана Дункан? – приветливо спросил он мягким голосом с приятным тембром. – Садитесь сюда, вот в это кресло...

Пригласив меня, он активировал небольшой стол под угощение.

– Да... Благодарю. – Я устроилась в этом псевдораритете, стоявшем прямо перед диваном директора, стараясь носком туфли не зацепить появившийся между нами столик.

– Мне очень приятно работать с такой милой девушкой! Можете обращаться ко мне просто Джо, – очень проникновенно сказал директор.

Я напряглась и, не «выключая» улыбки, спросила:

– При подчиненных?

– При подчиненных тоже... – Он мило улыбнулся, предлагая мне напитки.

Судя по всему, он со мной заигрывал... Конечно, я была в такой ситуации впервые, но подобное отношение досконально разбиралось на занятиях по анализу личности. Но, несмотря на знание предмета «Психология общения полов», мне все равно было не по себе.

– Джо, мне также очень приятно с вами познакомиться, а теперь давайте приступим к нашим делам, – голосом «сама любезность» предложила я, но мой нарочито спокойный тон не привел его в рабочее состояние.

– Мне нравится ваше желание работать. – И вновь многозначительная улыбка. Директор нагнулся и подал мне высокий кристаллический стакан с чем-то довольно густым и ярко-желтым.

– Благодарю, – довольно сухо ответила я, слегка пригубив дорогого арахнового сока, привезенного из соседней системы. Редкое угощение, до этого виденное мной только на экране фильмофона.

Гадость...

Благосклонно наблюдая за Джо, я вернула сок на поднос, который сразу опустил содержимое вниз, заменив вазой с фруктами.

– Да, Джулиана, я вызвал вас объявить о первом задании...

– Слушаю... – деловито сказала я, мягко обхватив колени кольцом из сплетенных пальцев. Потом осознав, что таким образом закрылась от директора, опомнилась и села ровно, строго выпрямив спину.

Морально я приготовилась к работе, но надо все проанализировать и для себя распределить, что и как предстоит сделать! Вероятно, Джо не зря занимает столь высокое место, так как, собравшись, он без лишних слов грамотно изложил суть моего проекта, совершенно забыв о собственном «кокетстве».

– Джулиана, вам предстоит вернуться на пятьсот лет назад в город Лондон. В Египте тех времен на раскопках был найден чудотворный крест одного из основателей Христианского аскетизма. Это наука о воспитании души...

– Я в курсе, – довольно невежливо прервала собеседника я, краем глаза наблюдая, как работает баснословно дорогая установка автоматической подачи воды для полива комнатных растений, скрытая в искусственном окне за спиной моего собеседника. У нас на станции такой не было, как и искусственных окон.

– Да, конечно, простите, Джулиана, это профессиональное... – на вид совсем не обидевшись, извинился Джо. – Так вот, судя по незамысловатому виду креста – а это обычные высушенные корешки, переплетенные крест-накрест, – никто и не догадывается, что этот раритет принадлежал Антонию Великому, четвертый век нашей эры.

Я кивнула, соглашаясь, что это действительно великая находка.

– Что мне предстоит сделать?

– Спасти его от сожжения.

– А в чем проблема? – терпеливо спросила я, не понимая, чего он тянет.

– Проблема в том, что мы так и не смогли установить, где до времени раскопок находился чудотворный крест. Тогда бы мы его просто выкопали и забрали сюда...

– А почему такая спешка?

– Его найдут на раскопках в одна тысяча восемьсот двадцатом году и привезут в Лондон в качестве подарка сэру Артуру Инсбруку, точнее, графу Инсбруку, который и сожжет его в камине, когда – неизвестно, но к тысяча восемьсот двадцать первому году креста уже не будет. Ваша задача, Джулиана, – войти в близкий круг знакомых графа и спасти раритет. В помощь дам двух специалистов из нашего института. Один будет осуществлять разведку, ведь в то время не везде пускали женщин. Простите... – Он понял, что вновь углубился в излишние подробности. Вдохнув, Джо взял в руку полный бокал сока. – А второй будет

помогать, работая над проектом отдельно. Надеюсь, охрана не нужна?

Я холодно покачала головой, отрицая помощь. Подобный вопрос – прямое оскорбление для меня... Господин Рами нажал пару точек на сенсо, и на столе появились две рюмки и запотевший графинчик из цветных кристаллов, явно для крепких напитков.

– Да, вам, наверно, будет приятно, что девушку, которую вам предстоит заменить, зовут, верней, звали Джейн Дункан, ваша однофамилица. – Говоря это, мой начальник налил в рюмку что-то ядовито-зеленое и предложил мне. Я не захотела, а Джо, приняв отказ как должное, пригубил напиток из своего бокальчика, после чего чуть не крякнул от крепости, с усилием шумно выдохнув.

Мне пришлось изображать, что ничего странного в его поведении не вижу, поэтому я невозмутимо спросила:

– А что с ней произошло?

– Утонула вместе с родителями... Но на самом деле это большая удача, что первое задание вам предстоит выполнить под собственной фамилией, да и имена у вас почти идентичны. Мы на совете даже решили оставить ваше, чтобы облегчить адаптацию.

– Спасибо, – кивнула я, опустив взгляд на ноги. Меня смущало покрасневшее лицо директора. Почему-то всегда считала, что в институте истории сотрудники ведут себя сугубо по-деловому. Как была настроена я.

Когда снова взглянула на Джо, на столе ни графинчика с крепким напитком, ни набора рюмок уже не было. Джо молчал, вглядываясь в мое лицо. «Я его нервирую, – дошло до меня, – не знает, как со мной общаться. Что поделать, нет во мне простодушия, так что иногда сама не рада».

А Джо в это время продолжал:

– Временные порталы будут у вас в большом количестве, так что иногда сможете возвращаться домой, но желательно делать это не чаще одного раза в месяц.

Он с минуту помолчал, видимо вспоминая, что еще надо мне сообщить.

– Да, еще... бережная система перевода средств, чтобы не нанести вреда неразвитой экономике старого Лондона, у нас налажена хорошо! С этим у вас проблем не будет, как и с оригинальными документами... – энергично пообещал директор и тут же невесело заметил: – Вам крайне повезло, что первое задание будет среди лондонской аристократии. Мое первое задание пришлось на более ранний век. Ко всему, я попал к самым отбросам общества... До сих пор кошмары сняты. Никакие лекарства не помогают...

– Сочувствую... – искренне сказала я, приподнимаясь с кресла. Встреча явно подошла к концу. Неужели он еще захочет продолжать свои заигрывания?! Вроде нет. Я, сразу расслабившись, с облегчением выдохнула. – До встречи, Джо, – вежливо попрощалась я, направляясь к выходу.

– Да, Джил... – Я строго на него посмотрела. – Джулиана, – поправился Джо, скрывая улыбку, – все инструкции с подробностями и техническими материалами уже у вас на терминале.

В этот момент, выходя за дверь, я кивнула:

– Благодарю вас, Джо.

Итак, я приступила к делам.

В дальнейшем меня ждала дотошная работа над проектом. Я так плотно засела над материалами дела, что все знакомства с новым миром станции и его обитателями пришлось отложить на потом.

Как всегда у нас делалось: теоретическая часть накладывалась прямо на кору головного мозга за несколько минут, зато потом все силы приходилось отдавать практике. Загрузила правила поведения того времени, знание старых языков и прочее, и мне осталось научиться грациозно передвигаться, танцевать, разбираться в музыке и просто быть гостеприимной хозяйкой. База данных была наработана слабо, сказывалось то, что военные допустили историков к наработкам по движению во времени совсем недавно, так что нюансы поведения и всего остального, принятого в том или ином времени, были изучены плохо.

По этому заданию меня интересовала та часть северного побережья Шотландии, откуда, по легенде, я прибыла в Лондон. И, конечно, мною тщательно изучался отдельный период времени – первая половина тысяча восемьсот девятнадцатого года. Отправка в прошлое проходила с запасом – полгода до прибытия артефакта.

Месяц подготовки пролетел незаметно.

За это время я с трудом освоила известную в наше время практическую часть этикета, писаного и неписаного поведения в обществе на тот момент. Учителя, а по совместительству сотрудники, были мною довольны. Но все ли они знали, чтобы подготовить высадку как следует? Время покажет. Я относилась к этому без должного трепета, видно, слишком сильно погрузилась в работу, чтобы переживать.

Подружившись с несколькими девушками, свое свободное время, выпадавшее крайне редко, я проводила в кофейне, стилизованной под английский модерн начала двадцатого века.

– Наташ, так что насчет директора?

Наташа в отличие от меня – землянка, поэтому смелая и уверенная в общении с противоположным полом. Я частенько расспрашивала ее о тонкостях психологических взаимоотношений с мужчинами, чем повергала ее в безудержные приступы гомерического хохота.

– Джи, ты что? Подпала под его чары? Нет, он, конечно, прелесть... – Она закрыла глазки, картинно смакуя его «прелесть», пока я разбиралась в себе.

– Нет. Не знаю... Не подпадала вроде. Пока только не поняла, зачем он постоянно со мной флиртует?

– О, это как раз легко поясняется. Он – коллекционер.

– В смысле повеса, волокита? – уточнила я, ожидая, пока мой кофе остынет.

– В смысле «собирает» невинных девушек со станций типа твоей...

– Ясно. – Не то чтобы я была очень разочарована, но все же мне стало как-то очень неприятно. Мне Джо нравился своей простотой, а оказалось, напрасно.

– Не расстраивайся. – Подруга улыбнулась и, даже не моргнув, глотнула кипящий напиток. – Он это... половинку свою ищет.

– Да? А я подумала, головы неопытным девчонкам морочит... – сухо отозвалась я, с раздражением отставив все еще горячую кружку.

Наташа просто нечто, у нее все выходит так естественно, а я все время анализирую, синтезирую или занимаюсь индукцией и дедукцией. Обдумываю, в общем. Наверно, со стороны это кажется заторможенностью...

– Морочит, конечно. Только ты его злодеем не считай, он очень милый, если не упрется. Я бы с удовольствием стала его парой, но он ищет не меня.

– Не поняла?

Тут нас перебила влетевшая в кафе Майя, маленькая брюнетка ростом даже меньше

меня, своим стильным разноцветным образом напоминая изящную бабочку.

– Дамы, что пьем?

– Кофий, – поджав губы, я показала в сторону своей кружки. – Кофеек...

– Да, и мне возьмите. А еще пирожных с кремом. Много-много и еще больше.

Пока Наташа на сенсо заказывала кофе, а я выпечку, Майка сняла свой разноцветный плащ и, довольная, уселась за наш стол.

– Леди, как здорово быть дома! Как я держалась в Древней Греции без нормального кофе, не знаю! Вот это была пытка!

Я уже загорелась расспросить о ее задании, но Наташа с упреком перебила:

– Джи, не начинай! Я все пороги у начальства обила с просьбами отправить меня с заданием и сейчас просто не выдержу слушать, как вы исполняете мои мечты!

– Ух, я и не знала, что все так проблемно... – посочувствовала ей Майя, склонив головку.

– Наташ, ты бы практично совместила получение задания и милого начальника, – подмигнув, весело подсказала я, наконец добравшись до своего кофе. – Вуаля, мечты сбылись...

Девчонки рассмеялись.

Дальше наша недолгая беседа перешла в плоскость непонятных для меня отношений с молодыми людьми. Я больше молчала, внимательно слушая девушек и впитывая их рассуждения как губка.

День отправки в прошлое настал. С утра одевшись в костюм XIX века, я, нетерпеливо носясь из угла в угол, ждала в своей квартире команду отправляющих.

Мое первое дело... Ужас... Не верится!

Потом я ерзала от нетерпения на диване, нервно теребя пальцами оборки на платье. Наконец отвечавшая за подготовку проекта Наташа появилась у меня на пороге и с пониманием улыбнулась столь явному волнению с моей стороны.

– Джи, не волнуйся, а то губы съешь! Я за тебя вот так сильно кулачки держать буду!

Я кивнула помощнице и, быстро поднявшись, направилась по коридору вслед за ней, прижав к груди шляпку. Прелестная деталь гардероба, но очень уж громоздкая, на мой взгляд, и это притом, что у меня довольно компактный дорожный вариант.

Наташа проводила меня и двоих молодых мужчин до зала подготовки – огромного помещения, больше похожего на гигантский хрустальный бассейн, – чтобы мы прошли процедуру обеззараживания для защиты населения девятнадцатого века от современных бактерий. Наташа, высокая темноволосая красавица, умница и почти подруга, обнимая историков по очереди, от всей души желала:

– Удачи, ребята!

Обняв меня еще раз, она вдобавок поцеловала в щеку и негромко добавила:

– Графиня уже в курсе, что вот-вот появится ее внучка. Она недовольна этим, поэтому держись! Придется терпеть причуды старой карги. – Ната печально вздохнула. – Твое наследство уже прибыло из Китая и переведено в ценные бумаги по разным банкам и вкладным. Так что ты у нас – богатая наследница. Надеюсь, это облегчит тебе задание и позволит подобраться к графу как можно ближе!

Я посмотрела на нее с благодарностью, еще раз обняв напоследок.

Сейчас меня поглотило безумное волнение – первое серьезное дело, а вдруг все провалю?

– Спасибо, Наташенька!

Я знала, как она хочет отправиться в прошлое, и очень ей сочувствовала.

Наташа, слегка смутившись, продолжила:

– Поверенного из солидной фирмы предупредить ее светлость я послала... Временные порталы уложила вместе с одеждой в сундук... Состояние из наследства «отца» перевела в крупные банки на твое имя. Так, об этом я уже говорила... Что еще?!

Она на миг запнулась, нервно продолжив:

– Весь гардероб здесь... Там же твои «удобные» корсеты и прочее... – Наташа указала на солидный сундук из дорогого эбенового дерева с коваными украшениями на крышке. – А в остальном тебе помогут Кларк и Рома.

Я кивала, почти не слыша, так как Ната повторяла это в третий раз.

– Да, чуть не забыла, вот мелочь на первое время... – Она протянула мне старинный кожаный кошелек, перетянутый у основания ремешком.

Я в последний раз обняла расстроенную помощницу на прощанье, спрятала древнее богатство в карман на юбке и повернулась к молчащим спутникам: огромному, как шкаф, Роме и не крупному, но жилистому Кларку.

– Успехов нам всем! – завершила я отправку и ловко открыла временной портал.

Шагнув... оказалась пятьсот лет назад. Помощники, подхватив за ручки «деревянный раритет» с моими вещами, шагнули вслед.

Первое, что я почувствовала, попав в прошлое, – гниющий запах стоялой воды и странную гарь. Наверно, так в топках пахнет тот самый каменный уголь. Значит, все рассчитано правильно. Мы у южных окраин Лондона на Темзе... на водах которой между заросшими зеленью берегами «вживую» стояли многочисленные корабли! Я забыла обо всем, любуясь их разнообразием.

Мне вокруг нравилось все! Все – от реки до деревьев с желтеющими листьями... Да, здесь зрелая осень во всей красе...

Мои спутники, вероятно, думали о том же, так как Рома грустно произнес:

– Хорошо, что мы не в России, там сейчас первые морозы...

Это было сказано уже на местном английском.

Я от волнения забыла об этом моменте! Надо постоянно быть настороже, иначе случайно заговорю на своем.

Тут же я повернулась к Роме, одетому старым солдатом, и тоже на староанглийском сказала:

– Теперь ищем дорожный экипаж, и к графине...

Рома кивнул и направился к остановке дилижанса, которая по плану находилась возле нового постоялого двора.

– Джулиана, меня будут звать достопочтенный Адам Кларк Компайн... как не наследующий титул.

– Все проверено? – на всякий случай уточнила я, даже не сомневаясь, что наверняка все.

– Конечно. Я четвертый сын разорившегося графа, мы жили по соседству с твоей тетей в Шотландии.

– Да, легенду помню... А Рома? – заодно уточнила я, рассчитывая на новые подробности кроме тех, что уже знала.

– Рома? Он по легенде просто солдат, недавно вернувшийся с войны.

– Да, и здесь его будут звать Джон Стивер, – закончила я.

– Вот именно, – подтвердил Кларк, оглядывая дорогу.

Мне настолько было жутко интересно, что от осознания факта своего появления в старом Лондоне по коже пошли мурашки.

Сам город утонул в тумане, и, хотя мы стояли на холме, из-за смога хорошо был виден только купол церкви Святого Павла, гордо возвышавшийся над городом, где-то вдалеке виднелся высокий тонкий шпиль готического собора Вестминстерского аббатства. Как я хочу это все быстрее увидеть! Хотелось прыгать от нетерпения, но что подумают сотрудники?!

Улыбаясь этим мыслям, я поправила широкое и не совсем удобное дорожное платье. Тонкая шерсть, ткань в изящную полоску, скромный покрой и элегантная шляпка – этот образ мне очень нравился. Я выглядела как обычная провинциальная мисс, заявившаяся к родственникам в Лондон.

Через час ожидания, переполненного новыми впечатлениями, появился Рома, строго взирающий на нас с облезлых козел громоздкого и угрожающе гремящего экипажа, явно являвшегося прадедушкой того, что я ожидала встретить в начале этого века.

Помощники, спустив едва державшийся отвесной порог кареты, – точно рухлядь, мне очень интересно ее изучить изнутри, – помогли сесть в нее, ловко устроив сундук с платьями в отделение для багажа. Кучер должен отвезти меня на центральную Лондонскую остановку дилижанса, откуда обязаны забрать слуги графини.

Я ехала в этом ужасе, не чувствуя жуткой тряски и не слыша грохота, потому что все внимание было там – на длинных и широких, гладко вымощенных улицах. А посмотреть было на что! Пешеходные дорожки, устланные большими камнями. Невысокие аккуратные здания с дверями, натертыми воском, и от этого блестящие, как зеркало. Красивые скверы, богатые магазины и лавки, где сквозь стеклянные двери виднелось множество разных товаров...

О, я наконец заметила настоящие фонари, непрерывным рядом бегущие по обеим сторонам дороги. Не знаю, как дождусь вечера, так интересно самой посмотреть, как их зажигают!

Графиня Торнхилл, леди лет пятидесяти в высоком кремовом тюрбане с небольшим пером, встретила меня в гостиной. Сейчас она сидела на обтянутом парчой диванчике напротив, сухо изучая внучку, то есть меня, пронизательным взглядом.

Затаив дыхание, я стояла посреди комнаты, потупив глазки, и едва скрывала волнение. А вдруг она решит, что я не похожа на ее дочь?!

Ведь и вправду не похожа. Совершенно.

Тут открылась еще одна деталь, которую в институте никто предугадать не мог! Я была выше всех в этой комнате! И кучера со слугой, вносящих в гостиную мой сундук, и дворецкого, и всех обитателей графского дома, вышедших встречать родственницу графини Торнхилл. И вообще, выше тех немногих, кого сегодня повстречала в Лондоне!

От волнения я никак не могла вспомнить: книгу о путешествии Гулливера среди лилипутов уже написал Джонатан Свифт или еще нет. Надеюсь, я не стану прообразом Гулливера! Но тут же успокоилась – он ее уже написал! Как раз сто лет назад от этого времени...

Из английских «великанов» на память пришли братья Бельцони, египтологи. Они производили внушительное впечатление своими шестью футами и одним дюймом в эру, когда рост среднего англичанина не превышал пяти футов. Значит, мои пять футов восемь дюймов, по их подсчетам, просто «гигантский» для девушки рост. Тут эти печальные

раздумья строгим голосом прервала графиня, размышлявшая, видимо, так же:

– Мисс, у вас неприлично высокий рост! И это наследство никак не моей крошечной дочери! У вас, может, только... ее глаза? – задумчиво отметила графиня.

– Да, миледи, я похожа на папу, – тихо сказала я, вновь почтительно опустив взгляд.

Она вновь пытливо на меня посмотрела...

– Представляю, как тебя замучили этим ростом! – сердечно промолвила пожилая леди, покачав головой. Перо на ее тюрбане заколыхалось в такт словам.

В сильном удивлении я подняла глаза на улыбающуюся старушку. Графиня мне посочувствовала! Это было отчетливо слышно в ее голосе. Если бы она только знала... Я приготовилась выдерживать атаки злобной фурии под покровом почтительности, прикрывшись псевдосмирением как щитом, но сочувствие? Вот уж никак не ожидала!

Среди знакомых я выделялась маленьким ростом и очень от этого страдала. Особенно на уроках самообороны, когда не могла опрокинуть крупного учителя по предмету. Поэтому ощущать себя этакой громадиной было для меня внове.

Графиня все это время участливо изучала мое лицо.

– Благодарю, вы правы, ваша светлость, это действительно тяжело.

Графиня продолжала внимательно меня рассматривать и, немного подумав, предложила:

– Мы обе знаем, кто я тебе, вот и зови меня бабушкой!

Я обомлела, резко посмотрев в ее глаза, утонувшие в грусти. Она за меня переживает? Вот вам и «старая карга», не желающая видеть внучку...

– Спасибо, ваша св... бабушка, – тронутая таким исходом, пробормотала я, вернув взгляд светлему восточному ковру на полу.

Едва сдерживая слезы, она кивнула и вышла из гостиной, оставив меня наедине с молоденькой горничной. Веселая девушка с продолговатым лицом и кучей веснушек на щечках проводила меня по лестнице на второй этаж, исподволь с любопытством осматривая мои шляпку и платье. Я вошла в комнату вслед за ней. Чудесная спальня. В немного устаревшем стиле неоклассицизм, или ампир, в котором все фундаментальное, симметричное и одновременно прекрасное.

Показав мне все, горничная тут же упорхнула, и теперь я могла наслаждаться красотой комнаты, не опасаясь странных взглядов.

Бело-желто-золотое... Не передать, как гармонично смотрелась моя солнцем залитая комната. Я медленно прошла, разглядывая обстановку, как в музее. Наверно, это бывшее пристанище для гостей, ведь эти цвета не считались женскими и не подходили к дамским будуарам.

Великолепие апартаментов поражало воображение: позолоченные канделябры, огромное зеркало в кружевной оправе и цветы... Живые цветы! Крупные осенние хризантемы с терпким запахом.

Еще раз понюхав стоявшие в вазе «золотые шары», я побрела дальше. Приоткрытое окно вместе со звуками улицы пропускало сюда и резвый ветерок, шкодливо резвящийся в золотистых шелковых занавесах.

Большую часть своей жизни я прожила в замкнутом мирке орбитальной станции, в котором были тысяча маленьких спален на четвертом уровне и длинный-длинный коридор, ведущий в сектор классов. Да, там было чисто, уютно и практично, но не было живой красоты. А тем более цветов, выросших на открытом солнце...

Выглянув в окно, я вдохнула терпкий аромат каких-то осенних цветов желтых и

бордовых оттенков, растущих на улице непосредственно за подоконником. Но больше всего мне нравился ветер! Ветер... Я задумалась.

Как здесь все прекрасно! Не сдержав ликования, я покрутилась по комнате в танце, задыхаясь от восхищения...

В реальность меня вернул уличный шум и ругань торговли на неловкость нанятого мальчика... Вспомнив, что к обеду по традиции мне еще предстоит переодеться, оставив радость на потом, я приступила к работе, наперво сняв с себя дорожное платье. Корсет я тоже надела сама, так как он был изготовлен для меня специально. Он мог застегиваться, как принято в начале этого века, только впереди, а мог закрываться на вакуумные зажимы, спрятанные под тканью для моего удобства. Конечно, я немного опередила время, заказав корсет с бюстом, который будет изобретен во Франции только в тысяча восемьсот тридцать восьмом году. И хотя всячески старалась сделать все как положено в этом времени, но некоторые вещи мне были нужны по работе. Вдруг появится необходимость отбыть куда-либо, не ставя в известность прислугу? Как тогда самой снимать и надевать все эти одежные «ужасы»? Без прислуги с «современным» многослойным бельем мне не справиться!

Достав из сундука подходящее бледно-голубое платье, я покрутила его в руках, соображая, смогу ли застегнуть его сама... Тут, на счастье, в дверь постучала горничная. Предупредив, что скоро время обеда, она передала просьбу графини не опаздывать.

– Ох, подожди... – Пытаясь попросить ее о помощи, я запнулась, не зная, как вести себя с прислугой, но горничная все поняла.

– Меня зовут Бетти, мисс, – сделав легкий книксен, представилось это веснушчатое чудо.

– Помогите мне, пожалуйста, Бетти, – попросила я.

Она с радостью согласилась. Когда я была уже почти готова, в дверь вновь постучали. Бетти подступила, собираясь открывать, шепнула:

– Это миссис Батлер. – И, опустив голову под недовольным взглядом женщины, выскользнула за дверь.

Так что к обеду я спустилась в сопровождении худой и очень строгой на вид компаньонки в годах, с запозданием присланной графиней помочь мне одеться, и заодно показать, где в доме расположен обеденный зал.

Я робко вошла и поприветствовала хозяйку реверансом. Та, мило улыбнувшись, осмотрела мой скромный наряд – платье из светло-голубой бязи и мягко сказала:

– В мое время все было куда элегантней! Эти новомодные фасоны... просто смотреть невозможно. А реверансы, милочка, оставьте для официальных приемов, а не для обеда с бабушкой!

Я, скрывая удовольствие, кивнула. Мне и самой это не особенно нравилось из-за опаски что-то забыть и ошибиться.

Как оказалось чуть позже, графиня была просто одинокой старушкой, нуждавшейся в любви и уважении, как любой нормальный человек. Но для меня все было гораздо сложнее, я только теперь поняла, как мне, оказывается, нужна бабушка. Немножко вредная, с едким язычком, но и с любящим сердцем.

– Милая, расскажи мне, как вы жили с родителями...

– Чудесно. Что может быть лучше, чем жить с родителями? – оторвав взгляд от тарелки, спросила я. – Они заботятся и помогают, а когда надо и заставляют... а одной... одной тяжело.

Много думала об этом в детстве, поэтому даже и капли сомнения не прозвучало в моем голосе, я ведь все так и чувствовала. Графиня сразу поверила.

– Боже мой, девочка моя, неужели тетя тебя обижала?! – волнуясь, спросила она, нервно комкая белую льняную салфетку тонкими высохшими пальцами.

– Нет, никогда. Но тетя – это не мама...

Графиня всхлипнула, наконец, разложив смятую салфетку на коленях.

– Я очень перед тобой виновата! Всецело заключив себя в траур после гибели дочери, я не узнала о тебе ничего, поверив, что все погибли. И только совсем недавно от поверенных твоего отца получила известие, что ты жива...

– Да, бабушка. Я слышала эту историю... – тихо ответила я, потупившись.

Медленно осваиваясь, я привыкала к быту в этом веке. Горшок, отсутствие крана с водой, ванны и душа, очень непривычная, довольно жирная еда, многослойные юбки и вездесущие слуги... Вся жизнь господ проходила на их глазах, и меня, привыкшую к уединению, это безумно смущало, а бывало, и сильно злило.

А вот с графиней мы неплохо ладили. Я обожала читать огромную редкость моего времени – настоящие бумажные книги, сидя на небольшой скамеечке у ног графини, пока она ворчала о современных нравах. Или о моем «отце».

– Дункан – фамилия, от которой так и веет первобытной дикостью шотландских горцев!

– Он был хорошим... – совсем вжившись в роль, робко замечала я.

– Да, да. Конечно, милая. Очень хорошим. Иначе зачем твоя матушка, отбросив все приличия, тайком обвенчалась с ним против моей воли? – с горечью вздыхала графиня.

Я только кивала. Бабушку сильно ранило «предательство» единственной и горячо любимой дочери, ускользнувшей из дома с богатым шотландским торговцем. Даже после их смерти она так и не смогла этого простить и забыть, а может, поэтому и не могла, что утратила дочку столь рано.

К концу первого месяца мы с бабушкой окончательно сдружились. Было очень интересно разъезжать с ней в новомодном экипаже с открытым верхом по осеннему Гайд-парку, где графиня с каким-то непонятным удовольствием рекомендовала меня многочисленным знакомым и их родственникам до третьего колена.

По воскресеньям мы неизменно посещали маленькую церковь на Уэлбек-стрит, где, к моему удивлению, никогда не встречали никого из знакомых. Позже я узнала, что бабушка русских корней, потому вероисповедание у нее православное.

Мы ходили пробовать модную новинку – мороженое, делали покупки на Бонд-стрит, гуляли по лучшим улицам Мейфера и, конечно, посещали приемы и принимали гостей у себя.

Мне еще очень хотелось попасть в Ковент-Гарден и Воксхолл, но графиня, ставшая к тому времени для меня почти родной, посещала их крайне редко. Бабушка сразу по приезде отвела меня к лучшей портнихе Лондона и заказала огромный гардероб. Так что я теперь щеголяла в замечательных нарядах, что изрядно скрашивало для меня тернии старинного быта.

Но главное – то, что я безумно ценила: она никогда меня не стеснялась. А ведь ей не раз приходилось быть свидетельницей едва скрываемого пренебрежительного отношения ко мне со стороны чванливых снобов высшего света. Хотя никто не осмеливался оскорблять меня в открытую, так как я все же была под защитой высокого положения графини Торнхилл, но

уберечь от грязных ухмылок в лицо или шуток за спиной по поводу гигантского роста в анекдотах о драгун-девице ее положение не могло.

Все вечера и приемы, которые посещали мы с бабушкой, шли по одному сценарию. Поприветствовав хозяев, мы присоединялись в украшенном зале к гостям, беседовали с бабушкиными подругами и мило раскланивались со знакомыми. Куда бы я ни смотрела, вокруг была выставка драгоценных камней, шелковых кружев, перьев и... поднятых на меня любопытных лорнетов. Иногда после подобного лорнирования, продолжавшегося несколько часов, я начинала чувствовать себя экзотическим музейным экспонатом.

При этом молодые девушки, необходимые для работы, как источник информации о графе Инсбруке, странно хихикали, глядя на меня, или еще хуже – задирали нос и делали вид, что меня здесь нет. Но это, в принципе, у них получалось довольно мило, и подобное поведение мне казалось даже забавным, наверное, потому, что меня поддерживала бабушка. В такие моменты мы с ней весело переглядывались, молча обмениваясь мнением о глупышках.

Было куда хуже, когда презрение демонстрировали молодые люди. В такие моменты мне судорожно хотелось попробовать отработанный до автоматизма перелом шейных позвонков с летальным исходом. Но я прилежно улыбалась и делала вид, что слепа на два глаза. Ну, или глуха... по ситуации.

Зато я с удовольствием открыла для себя такое явление, по сути – искусство, как светский разговор. Иногда мне казалось, что некоторые джентльмены специально готовятся к этому, заучивая анекдоты, остроумные фразы или обороты речи... Их было так занимательно слушать, что иногда мне хотелось похлопать при особенно удачных «выступлениях».

Изучать быт английской аристократии было чрезвычайно интересно. В доме, куда мы идем сегодня на праздник в честь помолвки сына, например, в качестве напитка на балу будут подавать негус – подогретое и подслащенное вино. Хотя на столах обязательно будет стоять еще и пунш, но нежный и легкий негус... по мне, он куда приятней, чем пунш или модный у нас арахновый сок.

От помощников, отправленных сюда со мной, никаких вестей не было. У меня тоже дела не продвигались. Это чрезвычайно меня тревожило... Хорошо, что в запасе пять с лишним месяцев до момента, когда в Лондон из Египта доставят крест.

Это всегда приятные хлопоты, когда у друзей графини бал, на который мы были приглашены еще месяц назад. Вот вечером мы идем на праздник к давней подруге моей бабушки, которую она знает еще с Экстонской частной школы для девочек.

Эх, а мне всегда мечталось, как я попаду в век пышных платьев на кринолине и буду щеголять самыми изысканными нарядами. Но, увы, сейчас в моде платья с завышенной талией. И хотя это ненадолго, я все же не дождусь кринолинов – моя миссия окончится гораздо раньше. А пока для молодой девушки девятнадцатого века выбор одежды не очень велик: светлое платье и жемчуг – в качестве украшения.

Вздыхнув, я с восторгом осмотрела свое бальное платье: белое, воздушное, с атласной окантовкой и вышитыми серебром тонкими кружевами. Его заботливо приготовила Бетти, аккуратно разложив сей портновский шедевр на моей кровати.

Почти не принимая участия в действе, так как изображала манекен в ловких руках, я надела на себя воздушный наряд с помощью Летти, еще одной служанки, веселой деревенской девчонки, знающей все на свете про слуг и соседей и очень любящей бабушку.

Мы с ней и Бетти неплохо сошлись в своей нелюбви к мисс Уксус, вредной компаньонке бабушки – миссис Батлер, которая постоянно одергивала и Бетти, и Летти, призывая соблюдать строгие приличия. Меня она тоже смерила ледяным взглядом, не в состоянии терзать, там же как остальных, поскольку видела расположение бабушки ко мне.

– Бетти, я туфли не могу поправить, там что-то зацепилось... – прошипела я, прыгая на одной ноге по ковру перед большим зеркалом.

Бетти, кивнув, быстро склонилась к моим ногам, заново повязывая шелковые ленты бальной обуви вокруг щиколотки, пока Летти возилась с накидкой.

На бал полагалось взять несколько пар белых шелковых перчаток. Натянув первую пару и красуясь перед зеркалом, элегантно жестом поправила жемчужное украшение на шее – все выглядело так красиво!

Мою прическу заранее уложила великолепными локонами специально приглашенная для этого служанка – миссис Линдон.

Радостно поблагодарив Бетти и Летти, я отправилась вниз – ждать бабушку. Мне хотелось кружиться колокольчиком и петь от ощущения праздника, пока в гостиной никого не было.

Мне нравилось здесь все больше и больше!

Артур

С нами на бал в честь помолвки молодого лорда Френсиса Уорда, старшего сына графа Блейквуда, отправился и лорд Клей. Вернее, это мы с виконтом Клифтоном отправились с ним в его экипаже. Правда, подробности этого путешествия исчезли из моей памяти, оставив в голове только мелкие детали колоритной вышивки герба на бордовых диванных подушках внутри кареты. И как я этого раньше не видел? Ведь не раз путешествовал в ней!

Бал только начался, когда мы прибыли в двухэтажный особняк на Кавендиш-сквер.

Будучи в изрядном подпитии, мне казалось, что все происходит не со мной. Остатков моей «трезвости» хватило на чопорный поклон хозяйке дома, графине Блейквуд, и на вежливое приветствие графа и его сына.

Потом, смутно воспринимая действительность, я оказался в другом конце бального зала в обществе одного Эдмонда. Где по пути из конца в конец затерялся виконт, я так и не уразумел, вернее сказать, на тот момент совершенно о нем позабыл. Устроившись под большой, украшенной цветами и апельсинами пальмой, я пытался понять, отчего мраморный пол бального зала, выложенный симметричным узором из розовых и кремовых пластин, то приближается ко мне, то уплывает куда-то вдаль?! Подметив мои затруднения, Эдмонд приказал проходившему мимо официанту подать мне пунш. Это немного помогло. Пригубив душистого напитка, я пришел в себя и даже припомнил, почему мы здесь, а также причину столь значительного интереса к балу...

Да, я женюсь на драгун-девице и даже заключил в своем клубе пари.

Верно, я поторопился, но колесо закрутилось, а мне как джентльмену невозможно отступить от своих слов.

Допив пунш, с грустью осмотрел пустой бокал, размышляя, не слишком ли сегодня насел на крепкие напитки? Мысль о напитках вновь вернула меня в клуб и напомнила о пари, заключенных его завсегдатаями. Немного подумав, я спросил загрустившего Эда, рассматривающего в лорнет гостей, уже не сомневаясь в его ответе:

– Так ты тоже поставил на мой брак?

– Безусловно, – ответил лорд Клей, но тотчас отвлекся, заметив кого-то на входе. – Боже милостивый! Вот и она! – Эдмонд остановил свой лорнет на мисс Джулиане Дункан, которая неторопливо вошла в зал в сопровождении престарелой графини Торнхилл.

Я повернулся вслед за дамами и был поражен внешностью девицы: высокая, чересчур стройная девушка в белоснежном воздушном платье. Нет, она именно очень высокая и очень стройная. Излишне. Да уж, воистину драгун-девица! Что за мисс! Я поморщился. По виду не только излишне высока, но исключительно скучна! Мне кажется, ко всему она будет невероятной занудой!

Мисс Дункан вежливо улыбнулась, сделала изящный реверанс хозяевам и, отвернувшись, вновь продолжила ласково щебетать с графиней. Та, снисходительно помахивая веером, внимательно к ней прислушивалась. Было заметно, что старушка общалась с неожиданной родственницей с симпатией.

– Ну как она тебе, друг мой? Милая, не правда ли? – насмешливо спросил лорд Клей, провожая графиню с воспитанницей взглядом. Они как раз присоединились к подругам старой леди.

Не обращая внимания на издевательский тон Эда, я продолжил наш разговор, прерванный появлением моей будущей невесты.

– И каковы были ставки? – тускло поинтересовался я, оторвав взгляд от неприятной мисс Дункан.

– Десять к одному.

– Ты невероятно разбогатеешь на моей свадьбе... – буркнул я, прикрыв зевок.

Эдмонд тут же опустил свой лорнет на меня.

– Если бы я смог, то, конечно, постарался бы убедить тебя не делать того, что ты вздумал. Мне твой замысел с самого начала был совершенно не по душе! – раздраженно высказался мой друг и с сомнением в голосе закончил: – Ведь для тебя в этом не было необходимости.

Я коротко, но недовольно кивнул: теперь и приятель решил досаждать нотациями! Словно мне маман не хватало! Но Эда понесло, и я сел удобнее, выжидая, когда он закончит нести бред.

– Все знают, что ты любишь общество лишь самых модных молодых и очаровательных леди, Артур, а тут сплошное недоразумение... – вещал тоном ментора друг.

– Гм, – протянул я, представив себя танцующим с этой высоченной и худой как щепка провинциалкой, страдающим от отдавленных ног и желанием заткнуть уши от ее плебейского акцента. Откровенно говоря, такая перспектива меня нисколько не испугала. Это было просто забавно! Так что, бравируя, я добавил: – Наверно, это будет то еще представление.

Эд устало кивнул, развернув свой лорнет в сторону звезды Олмака нынешнего сезона – леди Лоры Керн, богатой наследницы и милой белокурой красавицы семнадцати лет от роду.

На данный момент в моих мозгах вертелась мысль: если мисс Дункан была выращена непонятно кем, означает ли это, что она невоспитанна и вульгарна? А может, это именно то, что нужно моей маме? Вот она и будет заниматься ее воспитанием и наконец отстанет от меня!

Мои размышления прервали хозяева бала, представив гостям невесту сына и дочь виконта – мисс Лилиану Честертон, милейшую блондинку девятнадцати лет, с дивной фигурой и кокетливой улыбкой. Ее будущий муж – счастливец. Я завистливо вздохнул. Пожелав счастья молодым, гости продолжили танцы.

Не желая терять время, я оставил друга глазеть на красавиц, а сам пошел приветствовать графиню Торнхилл, которую еще с детства знал как хорошую знакомую матери.

– Всегда прекраснейшая – это древние писали о вас, миледи, – напряженно склонившись, чтобы поцеловать ручку графине, вычурно произнес я.

Выслушав мой комплимент и переглянувшись, бабушка с внучкой мило рассмеялись. Я в этот момент внимательно рассматривал свою будущую невесту. Голубоглазая, с блестящими каштановыми волосами, уложенными премилыми локонами, девушка была отнюдь не красавица. Все портили ее слишком решительные черты лица, напрочь лишенные столь модной ныне болезненной утонченности. Тут до меня дошло, над чем они все еще посмеиваются: мой комплимент прозвучал двусмысленно по отношению к пожилой леди.

– К моему большому сожалению, с древними не встречалась. Наверно, в тот момент они были где-то в другом месте, – захихикала старушка, легонько хлопнув сложенным веером по моей руке.

– Простите, миледи, это все бренди... – картинно ступешался я.

– Не сомневаюсь... – Графиня, отсмеявшись наконец-то, представила мне внучку: – Мисс Джулиана Дункан, моя единственная внучка и наследница.

Я был удивлен. Даже предположить не мог, что она признала внучку. По сведениям виконта Клифтона, она представляла ее в свете как свою воспитанницу.

– Мисс Джулиана, это лорд Инсбрук – весельчак, как ты наверняка заметила!

Девушка сделала реверанс удивительно элегантно для своего роста, так и не подняв глаз выше моего галстука. Конечно, девушка была чересчур высока, но, слава Господу, не выше меня.

– Рада познакомиться, лорд... Инсбрук! – запнувшись на моей фамилии, мягким голосом сказала она, и, быстро взглянув на меня, вновь опустила глаза. Да, легкий акцент есть, но не более...

– Ваша светлость, – я учтиво поклонился, – с вашего позволения, прошу мисс Дункан оказать мне честь и принять приглашение на танец.

– Конечно, лорд Инсбрук, – улыбнулась и кивнула графиня Торнхилл. – Я надеюсь, что Джулиана будет рада подарить вам танец.

– Благодарю вас, лорд Инсбрук, – с достоинством сказала девушка и вежливо склонила головку.

У этой провинциалки прекрасные манеры и дикция... Я разочарован.

Зазвучала минорная мелодия старинного менуэта, который после победы над Наполеоном теперь редко где услышишь, но из уважения к хозяйке, урожденной графине де Фуа, во время приемов менуэт неизменно звучал в доме графа. Я предложил руку мисс Дункан, и мы вышли на середину зала, чинно присоединившись к другим парам. Танцуя, я жалел, что поторопился и пригласил ее на медленный минорный менуэт, а не на энергичный контрданс и что не попал с приглашением на первый, мажорный, менуэт.

В момент выполнения «ras grave» с правой ноги я повстречался взглядом с другом. Лорд Эдмонд Клей поднял лорнет, водя глазами вслед за нами, удивленно качнул головою. Этот жест я понял так: ну и скор же ты, братец! Я довольно улыбнулся в ответ.

Наконец мы закончили вышагивать горделивые па менуэта.

– Благодарю вас, – четко произнес я и, взяв ее под локоток, повел к графине. – Это честь для меня – танцевать с вами, мисс Дункан.

– Спасибо вам, лорд Инсбрук, вы так добры! – в реверансе прохладно поблагодарила

девушка, по всей видимости обрадованная тем, что возвращается к бабушке.

Графиня встретила нас добродушной улыбкой из разряда: совет да любовь. Кроме дрожи отвращения эта улыбка вызвала у меня навязчивую мысль удрать отсюда так быстро, как только возможно. Но я крепился...

Спросив у бабушки позволения пригласить мисс Дункан на первый после ужина вальс, я покинул родственниц с единственным желанием найти что-нибудь покрепче... для успокоения нервов.

Медленный менюэт сменила энергичная кадриль.

Минуя парочки, выстроившиеся в каре для танца, пошел к друзьям в другой конец зала. Заодно попросил слугу в бордовой ливрее принести мне «что угодно, только покрепче» и сунул ему в руку гинею. Обрадованный слуга пообещал мигом все исполнить.

Присоединившись к группе мужчин, рассеянно слушая похвалы лорда Грея своей псарне, недовольно смотрел на то, как какой-то военный хлыщ в красном мундире пригласил мою невесту на веселую кадриль. На тот самый танец, на который хотел пригласить ее я сам!

Тут очень вовремя подоспело мое бренди, которое сообразительный слуга налил в стакан-хейбол для холодного пунша. Похвалив слугу за скорость и исполнительность, я отпустил его с просьбой далеко не уходить – и вновь сосредоточился на мисс Дункан.

Джулиана, танцующая с обходительным кавалером, очень подходящим ей по росту, вся покраснела. Глаза ее блестели, с уст не сходила улыбка. Со мной же она была явно холодна. В душе закипела обида... Кое-кто из моих друзей, стоявших рядом, слишком сладострастно изучал мисс Джулиану после танца. Да, она очень мила, когда, забывая обо всем, просто веселится.

Я вздохнул и окинул тяжелым взглядом зал. Танцы продолжались. Тот кавалерист и еще парочка великанов – и откуда они только появились! – крутились вокруг мисс Дункан, словно свора охотничьих псов, почуявших лиса.

Среди всех танцев мазурка и котильон являлись наиболее «важными» по той причине, что после кавалер ведет даму к столу. Услышав первые звуки котильона, я вспомнил о предстоящем ужине и чинно отправился к своей невесте, чтобы соответственно правилам отвести ее к столу, если еще никто не пригласил мисс на последний перед ужином танец. Но на этот раз мои ноги изрядно меня подвели. Чтобы прилюдно не качаться, пришлось медленно и с достоинством вышагивать к своей цели через весь зал. На это ушли все силы... Но тут появились хозяева и пригласили гостей в обеденный зал, уставленный множеством небольших столиков под кипенно-белыми скатертями, вокруг которых, выстроенные в ряд, ждали официанты.

Проклятье! Не успел! Тот нахал в красном мундире, что прилип к мисс Дункан и танцевал с ней предпоследний танец, проводил ее к столу! Сдержав рык, я стиснул зубы и огляделся. Мне в этот момент на глаза попала юная прелестница – мисс Лора Керн. Предложив руку оживленной, словно райская пташка, девице, повел на ужин ее. Впереди, вежливо беседуя о новой постановке в Ковент-Гарден, шли военный фронт и мисс Дункан. Она прохладно принимала его ухаживания, что меня немало утешило.

С мисс Керн мы попали за один столик с пожилым господином в старомодном парике, не имеющим в данный момент никаких интересов кроме курицы по-милански – гордости знаменитого на весь Лондон повара лорда Блейквуда. Сейчас мне предстояло крайне серьезное, в моем состоянии, дело – поддерживать разговор с молоденькой красавицей, тем более что старый джентльмен, сидевший с нами за столиком, принимать участие в светском

разговоре явно не желал...

– Как ваш достопочтимый брат, мисс Керн? – Вот, вроде выговорил все без проблем. Я приветливо повернулся к девушке, взирая на нее, как на светоч мира.

– Даже не знаю... – грустно ответила милая кокетка, оставив бокал с лимонадом. – Он отбыл с посольством в Испанию еще в прошлом месяце, но так и не написал нам. Маман постоянно в слезах...

– Да, дипломаты – это те же военные... – многозначительно посочувствовал я.

– Да, но только с лучшими перспективами... – лукаво улыбнулась мисс, стреляя глазками в мою сторону.

Я красноречиво склонил голову, выражая «недоумение», чтобы переложить непомерную тяжесть беседы на мисс Керн. Она хихикнула и, оставив вкуснейшую курицу ради еще более лакомой сплетни, наклонилась ко мне и довольно интимно прошептала:

– Обратите внимание, за соседним столом лорд Вестерфильд!

Я с раздражением заерзал на стуле, так как и так его постоянно «видел». А мисс продолжала:

– Да, да! Военный, сидящий за соседним столиком... – Мисс Керн опустила голос до шепота: – Он унаследовал в прошлом году титул виконта и полностью разоренное имение отца и теперь готов жениться на этой высокомерной ледышке, драгун-девице мисс Дункан!

– Да, кажется, мисс Дункан становится гвоздем сезона, – согласился я.

Мисс Керн, бывшая этим самым «гвоздем», вежливо кивнула, но потом надулась и обиженно замолчала. К моему великому облегчению. Мы сидели рядом, и я краем глаза наблюдал за парочкой: моя невеста и кавалерист...

За ужином мисс Дункан мило разговаривала и улыбалась мистеру Кингстону и леди Дейн, сидевшим с ними за одним столом. Вежливо отвечала на бесконечные расспросы леди о родных и о том, где жила со своей тетей до переезда к графине Торнхилл.

Многое в обеденном зале, как и в голове, сливалось перед глазами, но одно мне было абсолютно понятно! Если я буду тянуть время, мою драгун-девицу уведут не в меру шустрые охотники за наследством. Обдумав дальнейший план, с нетерпением ожидал, когда начнутся танцы и я получу возможность пригласить ее на обещанный вальс. Наконец этот долгожданный момент настал.

От моего серьезно-сосредоточенного состояния алкоголь просто испарился из крови, оставив меня один на один со всем этим адским замыслом по вразумлению родительницы.

Пригласив мисс Дункан на вальс, я и не думал, что подверг себя нешуточному испытанию. Меня в тот момент поразила мысль – это моя невеста! Моя невеста! После такого «открытия» видеть столь соблазнительные губки прямо перед своими и не иметь возможности поцеловать было истинной мукой! Хотя, возможно, в моей крови оставалось слишком много бренди... Стоило мне приблизить голову хоть на несколько дюймов, я смог бы ощутить ее вкус. Да и сама мисс Дункан – тонкая, сильная, полная жизни... На ум приходили не всегда приличные восточные стихи, поэтично сравнивающие прекрасных дам с тонконогими газелями. Я с трудом удержался, чтобы не прижать ее к себе. Потом все-таки вспомнил, зачем я здесь, и сказал ей то, из-за чего все это затевалось:

– Мисс Дункан, не окажете честь стать моей женой?

Она удивленно приподняла голову, внимательно всматриваясь в мои глаза. Ее каштановые локоны вздрогнули, притянув мое внимание к тонким белым плечам, словно вырезанным из слоновой кости. Мне безумно хотелось погладить ее шелковую кожу. На

какой-то безумный миг показалось, что я совершаю ужасную, непоправимую ошибку.

– Это такая шутка, в которой вновь виновато бренди? – вежливо улыбаясь, спросила она, смотря на меня умными глазами.

– Нет, в ней не виновато даже ваше богатое приданое... Я не шучу.

В этот столь важный момент мы феерично кружились по залу под звуки вальса. Джулиана оказалась прекрасной партнершей, легкой, живой и грациозной. Гости, затаив дыхание, смотрели на нас. Каюсь, я привык вызывать подобный интерес, так как лет с двадцати являлся титулованным, а позже еще и богатым женихом, это мне когда-то даже льстило.

– Вы мне не ответили... – поторопил я девушку, незаметно оглядывая любопытную публику в зале.

– Кроме явных, у вас есть какие-то причины для этого? – очень разумно спросила она.

Откровенный разговор затеял сам, но что ей теперь ответить? «Вы мне нужны, чтобы досадить матушке?» Сейчас это звучало настолько глупо, что я скривился. Но, обняв ее крепче за талию, галантно ответил:

– Причин не сосчитать...

Девушка, мило склонив головку, молчала, словно не замечая излишнего давления моей руки на свою талию. Танец подходил к концу. Когда прозвучали последние ноты, я спросил:

– Мисс Дункан, мне бы хотелось получить ваш ответ! – осознавая, что это безумие!

Однако мое сумасшедшее требование ее не смутило.

– Да, я согласна, – спокойно ответила моя невеста, поблагодарив меня за танец реверансом.

Я поклонился, обдумывая следующий шаг. Но все, что приходило в голову, было за гранью светских приличий и даже обычной вежливости.

– Тогда... давайте объявим о помолвке? – запнувшись, предложил я.

Она кивнула и подала мне руку. Я был потрясен. Ни малейшего волнения, а ведь это невозможная бестактность на балу, посвященном чужой помолвке, объявлять о своей! Четко понимая, что совершаю огромную глупость, принял ее руку в белой шелковой перчатке...

Я шел ровным шагом к центру зала, ведя за руку мисс Дункан, и мне казалось, что сегодняшний вечер растянулся на бесконечный месяц... Остановившись ровно посередине, чем нарушил весь круг танцев, я громко сказал:

– Леди и джентльмены! Прошу немного внимания...

Музыка стихла. Гости замерли на местах, с удовольствием предвкушая новое развлечение. Это был настоящий скандал!

Только мисс Дункан осталась безучастной. Она спокойно взирала на происходящее с поистине философским равнодушием.

– Заранее прошу прощения у гостеприимных графа и графини Блейквуд, что совместил это объявление с вашим праздником! – Немного помолчав после этих слов, я добился полной тишины и внимания. – Итак, я хочу поделиться радостной вестью! Мисс Джулиана Дункан, внучка графини Торнхилл, оказала мне честь, согласившись стать моей женой!

После минуты полной тишины зал разразился радостными криками и поздравлениями.

Графиня, приблизившись к нам, поцеловала внучку и тихо, но грозно сказала:

– Жду ваших объяснений, милорд!

Я вежливо принял объятия будущей родственницы, больше всего мечтая о ванне, кровати и двери с замком от гостей.

Моя невеста, похоже, осталась совсем равнодушной. А может, она на самом деле не в себе?

Джил

Я не помнила, когда была так счастлива. Даже в строгих пределах приличий девятнадцатого века я танцевала, смеялась, веселилась, болтала с молодыми людьми. Первый раз в жизни! Бабушка смотрела на меня с одобрением, отчего мне становилось еще лучше.

А все началось с лорда Инсбрука. После первого танца с ним бабушка сказала:

– Ну вот, дорогая, сегодня у тебя от поклонников отбоя не будет...

Действительно, я не пользовалась популярностью на балах, но меня это не особенно волновало. Я ведь здесь как историк-наблюдатель.

– Бабушка, ты шутишь? – спросила я, обмахиваясь подарком, привезенным прямо из Китая. Я заберу этот прекрасный веер с собой. Ах, если бы можно было с собой забрать бабушку... Переступив с ноги на ногу, тяжело вздохнула.

Графиня, неправильно поняв мою грусть, поспешно разъяснила свои выводы:

– Сэр Артур – законодатель мод. На недостойных его внимания девушек он не посмотрит, не то что пригласит их танцевать. Богат, умен, из высочеродной семьи. Лучший из лондонских женихов за последние пять лет, но пока неуловим... Ему ни одна молодая леди не может отказать...

– Еще тот подарочек, – съязвила я, комкая в пальцах платок, который мне некуда было спрятать: ридикюль остался у Бетти в дамской комнате. Жаль, что здесь еще не знают нормальных вшитых карманов, а только накладные на веревочке, хотя для себя я эту проблему решила. Я одолжила у бабушкиной компаньонки, миссис Торп, корзиночку с рукоделием и вшила себе карманы во все домашние и утренние платья, но к бальному платью из тончайшего шелка побоялась подступить – оно просто произведение искусства.

Бабушка все рассказывала о графе, хотя после подобных пояснений мне этот самодовольный тип стал еще противнее. Впрочем, к его внешности не придерешься. Намного выше большинства мужчин в зале. Стройный кареглазый брюнет с худощавым лицом. Он был великолепно, в высшей степени элегантно одет: хорошо сшитый сюртук, отлично подобранные жилет и галстук – видимо, внимательно следит за модой и одевается у лучших портных. Но меня он волновал только как объект работы с артефактом. И то, что нас представили и мы танцевали, конечно, хорошо, но мало что мне давало в общем.

Бабушка была права. Действительно, после первого менюэта с графом ко мне стали подходить джентльмены и приглашать на последующие танцы. Моя бальная карточка быстро заполнялась. Я веселилась, наслаждаясь эпохой в реальности, живыми носителями языка и музыкой. Но это прекрасное время не могло продолжаться вечно... Все испортил во время вальса тот же лорд Инсбрук, предложив мне выйти за него замуж.

Так как это предложение просто великолепно подходило для выполнения проекта, я согласилась. Фактически это чудесная, нет – потрясающая удача! Теперь, когда лорд получит из Египта крест, я буду рядом.

Хотя жить с ним... Но в любом случае что он может мне сделать?! Раз, и меня тут уже не будет!

У меня остались все семь капсул межвременного перехода, и тратить их, чтобы просто выпасться и поболтать на станции с друзьями, я не стала.

В последнем письме, переданном от поверенного, мне назвали адреса историков – Ромы

и Кларка. Здесь, в прошлом, категорически запрещалось пользоваться современными средствами связи. Теперь мне надо сообщить им, что я подобралась к артефакту вплотную и они могут быть свободны.

Мы, наконец, вернулись... Поцеловав на ночь сонную бабушку, я отправилась к себе. В комнате меня уже ожидала Бетти, незаметно зевавшая и хлопавшая осоловевшими глазами, а с ней еще две девушки из прислуги. Переодевшись и отпустив Бетти с подругами, я устало села в парчовое кресло, которое в моей комнате успела полюбить больше всего. Теперь я анализировала, что произошло и чего можно ждать в дальнейшем. Я вернулась в недавние события, пытаюсь разобраться...

После сумбурного предложения графа, когда в зале стих гомон удивления и мы выслушали искренние и не очень поздравления представителей лондонского высшего света, лорд Инсбрук вновь попросил внимания окружающих:

– Венчание состоится в фамильной церкви рода Инсбруков, точную дату назначим позже.

На бабушку было страшно смотреть, казалось, ее перестали держать ноги. Я незаметно вырвала свою руку у графа и подхватила графиню под локоть. Лорд Инсбрук в это время с улыбкой выслушивал шутки о большой и светлой любви и острых стрелах Купидона, разящего прямо в цель. Приобняв бабушку, я легко наступила на ногу лорду «жениху», но, вероятно, не столь легко, как мне показалось. Он вздрогнул, потом, плотно сжав губы, повернулся ко мне, явно мечтая убить на месте. Я глазами показала ему на полуобморочную старушку и перевела взгляд на дверь. Он понял и, галантно подхватив графиню с другой стороны, раскланялся с хозяином и хозяйкой бала.

В сопровождении графа мы вышли на улицу. Две служанки, взятые нами на бал, захватили наши накидки и поспешили вслед. Молодой кучер соскочил с козел и расправил трехступенчатую лесенку под дверью кареты.

Бабушка перед тем, как подняться в экипаж, повернулась к лорду Инсбруку и, приняв его помощь, сказала:

– Благодарю вас, лорд Инсбрук! Мы по утрам гостей не принимаем, но в связи с последними событиями завтра в двенадцать часов буду ждать вас у себя.

Покачав головой – отказавшись от его помощи, я самостоятельно села в карету, так и не обменявшись ни единым словом с женихом. Надо заметить, ни он, ни я не горели желанием вести беседу. В сложившейся ситуации мне предстояло самое тяжелое – внятно пояснить бабушке, «почему я согласилась на столь скандальное предложение»?!

– Ты же сама сказала, что ему ни одна девушка отказать не может! – улыбнулась я.

– Джил, я совсем не шучу! Ты хоть представляешь, что тебя ждет в браке с подобным ветреным красавцем?

Я промолчала, отвернувшись к окну.

– Если ты думаешь, что он тебе польстил своим предложением, то ты ошибаешься. Ты – красавица, несмотря на свой рост! А то, что твой отец простой человек, то щедрое приданое смягчает всякий мезальянс. Тем более Торнхиллы намного выше Инсбруков. Ты ведь знаешь, наши владения не майорат и все богатства рода Торнхилл после моей смерти перейдут к тебе!

– Да, бабушка... но он мне понравился...

– Глупышка, он всем нравится... Это еще не повод связывать с ним жизнь, тем более в наше время, когда на брак с простолюдинкой идут только ради толстого кошелька! – Бабушка

поправила огромную шелковую подушку и, устроившись на ней удобней, усмехаясь, сказала: – Представляю реакцию графини... Небось эту затею Артур придумал в пику матушке... – Потом, обдумав что-то свое, расстроено добавила: – Джил, дорогая, помни, ты можешь в любой момент разорвать помолвку!

Я напряженно кивнула и, не смыкая глаз до самого дома, смотрела в темноту за окном кареты. Под мерный топот лошадей после веселья за полночь я просто заставляла себя сидеть ровно – с открытыми глазами. Спать хотелось безумно...

Бабушка, начиная дремать, пробормотала, роняя голову в подушки:

– Хотелось бы мне на него посмотреть, когда он протрезвеет и вспомнит, что натворил...

Мне было все равно. Я не понимала того ажиотажа, который вызывал вокруг себя этот типчик... Мужчина и мужчина. Полмира таких и в прошлом, и будущем...

Глава 2

Последствия

Артур

Я проснулся от оглушительного топота копыт, громко бьющего в уши. Казалось, кони бежали прямо над головой. Какой глупец привел коня в спальню?! С трудом разлепив веки, не отрывая головы от подушки, недовольно огляделся. Никого. Так, а где ко... Бред какой-то...

На противоположной стороне улицы раздался дробный перестук, услышанный мною раньше. Его ускорил окрик кебмена.

Да, несмотря на весьма свободный образ жизни, такого со мной еще не было... Я решил встать.

– Проклятье! – Скривившись от адской головной боли, я рухнул на подушку, не сдержав стон.

Так... Пока неподвижен, чувствую себя сносно, но стоит мне пошевелиться, как на голову кидаются все черти ада, терзая ее своими раскаленными трезубцами. Подавляя желание остаться в постели навсегда, с огромным трудом стал подниматься, как вдруг в мою голову ворвалась ужасная мысль. От ее «толчка» я дернулся и... со всего маху воткнулся лицом в деревянный столбик кровати.

К нестерпимо болевшей голове добавились разбитые бровь и скула.

От высказанных пожеланий, верно, покраснел сам Сатана и его присные. За всеми этими «проблемами» шальная мысль, наделавшая столько бед, куда-то испарилась. Я мужественно сполз с кровати, чтобы добраться до колокольчика и вызвать камердинера. Но проклятый колокольчик так не вовремя куда-то запропастился!

– Дже... Джек!

– Ваша светлость? – Ко мне почему-то заглянул дворецкий Джон, пожилой слуга моего отца, нянчившийся со мной в детстве еще в родовом имении.

– Мне надо что-то от головы... и теплой воды искупаться.

– Да, ваша светлость... Сейчас же прикажу горничным приготовить для вас ванну и принести мазь от ссадин.

Я скривился, заранее предвкушая последствия неприятной процедуры.

Джон ушел, но тотчас в комнату, пыхтя, влетела моя экономка – мисс Лили, милый заботливый Колобок, как я называл ее в детстве.

– Артур! Негодник!

Моя бедная голова усиливала звуки в десять раз, бурно сопротивляясь надвигающемуся разговору. Схватившись за уши, я скривился.

– Мальчишка! Что ты делаешь! Жаль, нельзя тебя выпороть, как в детстве! – Произнеся эти грозные слова, она ловко положила мне на голову ледяную салфетку, чем вызвала мою пожизненную благодарность.

Продолжая ворчать и грозить страшными карами вплоть до божественных, мисс Лили налила в бокал ледяной воды с лимонным соком и какими-то травами и заставила меня залпом выпить, мгновенно утихомирив пылающее нутро. Я поклялся всеми святыми, что подобных экспериментов с коньяком и прочим горячительным больше повторять не буду.

– Да если бы отец видел, он бы выдрал тебя на конюшне! Бедная твоя матушка!

Не вслушиваясь в обвинительную речь мисс Лили, я наслаждался отступившей болью и относительным покоем.

– Сейчас искупаешься, попьешь горячего сладкого чая и будешь как огурчик!

– Спасибо, Коло... мисс Лили, ты вновь спасла меня!

Со стоном осторожно стал вставать с кровати. Мисс Лили помогла мне раздеться и залезть в ванну с мыльной пеной, как делала когда-то в детстве. Я в благодарность поцеловал ее в щеку и блаженно развалился в теплой воде. Экономка утерла слезы белым фартуком и, выходя из комнаты, жалуясь непонятно кому, прошептала:

– Была бы жена, разве б она позволила ему так себя мучить!

И она об этом! Я скривился! Жена, невеста... вот заладили, хоть бросай все и женись! От этих мыслей я подскочил как ошпаренный, вылив половину воды на пол. Тут же наступил в теплую лужу и, поскользнувшись, поехал на одной ноге. От большего позора меня спасла ручка кресла, за которую я судорожно схватился дрожащими руками, предотвратив великое падение.

Ругаться сил не было, от происшедшего боль вернулась с прежней силой, раздавливая голову.

Да, именно слова мисс Лили напомнили мне вчерашний вечер: матушка, гнев, девица-кавалерист, помолвка, свадьба! Нет, девицу как-то по-другому звали. Я в голос застонал:

– Что я натворил!

С улицы доносилась брань торговков цветами, не поделивших покупателя. Я сидел на полу в глубоком шоке, забыв, что надо одеться...

– Господи, помоги все вернуть обратно! – отчаянно шептал я, упершись головой в холодную стену. – Я даже лица ее не помню! Зачем...

Раздался грозный голос полисмена, утихомирившего истошно орущих торговков. За окном разом стихло.

Надо будет перебраться в комнату для гостей, ее окна выходят на маленький палисадник во внутреннем дворе.

Часы на каминной полке, отбивавшие барабанную дробь, отдававшую в висках, показывали одиннадцать часов...

Я вновь схватился за голову. Как я мог забыть о визите к графине?!

Боже, за что?!

Вставая с пола... медленно поднимаясь, держась за стену, я чувствовал себя восходящим на эшафот.

В двенадцать часов дня я уже стоял на пороге дома Торнхиллов.

Прибыв сюда, отчетливо понял, что мои вчерашние планы не заходили дальше этого. Я представлял себе, как отреагирует матушка на столь спешную помолвку, и то, как покажу не подходящую ни по каким параметрам мисс Дункан шокированной графине Инсбрук. И все...

Дворецкий, забрав у меня трость и шляпу и закончив равнодушный осмотр моего лица, наконец объявил хозяйкам о прибытии лорда Инсбрука. Получив разрешение старой графини, нахальный слуга пригласил меня в гостиную.

– Прошу следовать за мной, милорд, – проговорил он, не удосужившись поклониться как следует. – Ее светлость ждет вас.

Леди Торнхилл сидела в несколько старомодной, но великолепно обставленной

гостиной, выходящей окнами на улицу Святого Петра, одну из самых спокойных улиц Лондона, с элегантными домами и солидными соседями. Я оценил сразу, что бабушка моей невесты отлично выглядит для своего возраста: стройна, прекрасно одета, и даже новомодный тюрбан, прикрывший ее благородную седину, выглядит на ней органично.

– Добрый день, леди Торнхилл, – вежливо поприветствовал я почтеннейшую старушку.

– Спасибо, что пришли, граф. Проходите, садитесь. Нам предстоит важный разговор.

Поблагодарив графиню, я опустился на небольшой диванчик, обтянутый генуэзской парчой.

– Чаю?

Вежливо отказался, в данный момент я чувствовал себя крайне опустошенным. И был уверен, что даже вид еды вызовет во мне бурное отторжение.

– Должно быть, скверное самочувствие после вчерашнего... – проницательно заметила старушка и, элегантно повернувшись, взялась за колокольчик, стоявший на столике рядом с ее диваном.

– Я взволнован согласием вашей внучки, после оказанной мне чести... – возвышенно, но прохладно начал я.

– Я в этом не сомневаюсь, – недовольно проговорила леди Торнхилл, приподнимая свой лорнет и грозно направляя его на меня, словно дуло дуэльного пистолета.

Первый вопрос подрубил на корню все мои намерения повести разговор по-своему – то есть по возможности огибая самые острые моменты.

– Как тебе удалось так быстро ее очаровать? – Вот мне и припомнили детские проказы в поместье графини Торнхилл, где мы как-то гостили с матушкой.

Я желчно усмехнулся.

– Для меня это никогда не являлось проблемой. Зато я всегда самоуверенно полагал, что сойду в могилу холостяком, – скрывая горечь, сказал я. – Но, как видите, женюсь, несмотря на мезальянс...

– Не забывайся! Ты говоришь о Джулиане, – раздраженно отрезала старушка. – Моей единственной внучке и наследнице рода Торнхилл! Я ее очень люблю. И мне неприятна мысль, что, сыграв роль, которую ты бездушно для нее задумал, она станет еще одной из тысяч брошенных тобою женщин, Инсбрук. Имей в виду, я не потерплю этого!

– Вы когда-нибудь слышали, чтобы я принуждал какую-то женщину? – нахально, нарушая все приличия, спросил я. – И к тому же мы вроде говорим о свадьбе? – Я насмешливо поднял одну бровь, в душе надеясь разозлить графиню так же, как она меня.

– В любом случае знай, я предложу Джил разорвать поспешную помолвку... – нервно пообещала графиня.

– Боюсь, что у нас уже нет выбора! – твердо сказал я миледи, поджавшей в гневе губы.

Думая о сложившейся ситуации еще по дороге к дому Торнхиллов, тогда и решил, что ни за что не проиграю это пари, будь эта леди даже длинноногим жирафом!

– Объявление о нашей помолвке уже отправлено в «Таймс» и будет скоро опубликовано.

– Да, видимо, так, – спокойно согласилась графиня. – Но скандал, связанный с расторжением столь странной помолвки, для меня не имеет значения, как и для тех, кого привлекает огромное состояние девушки. – Она высокомерно улыбнулась: – Она сможет выйти замуж и после трех скандалов с помолвками!

Я тяжело вздохнул, рассматривая кружевной воротник графини. Моя жизнь в последнее время стала чертовски скучной. Сезоны, после окончания Итона прошедшие парадом

однообразия один за другим, утратили всю привлекательность. Вероятно, провидение услышало мои жалобы на скуку и решило все поправить...

Нашу гневную беседу прервала запыхавшаяся служанка с полным подносом. На нем стоял высокий серебряный чайник из тех, что привозят из Индии, и такие же чеканные тарелочки с пирожными и печеньем. Чашки на другом подносе несла пожилая служанка.

Принимая от молоденькой прислуги чашку, графиня спросила:

– Летти, Джулиана еще спит?

– Нет, ваша светлость. Мисс Дункан позавтракала и чуть свет поехала, как она выразилась, «тренироваться». Она «осваивает»... – На этом слове рыжая девушка с огромными веснушками запнулась, как бы проговаривая его про себя. – Да... до сих пор, в общем, мисс на конной прогулке! – закончила она гордо, тут же не к месту захихикав.

Графиня, сдерживая улыбку, спросила нахалку, которой, видно, никто не объяснил, как должны вести себя приличные слуги:

– Летти, чего еще я не знаю?

Она говорила с ней как с ребенком, а не со скверной прислугой! Я был возмущен.

– Уезжая, мисс Дункан сказала, что ей осталось еще совсем чуть-чуть и она научится сидеть в седле как влитая... – Щеки девушки покраснелись, и она уже неприлично громко закончила: – Видимо, на это «чуть-чуть» ей не хватило времени.

Вот что значит – в доме нет хозяина! Распущенная прислуга, никакого уважения к хозяевам и гостям! Припомнив свое ожидание на пороге, добавил: тут что служанки, что дворецкий – никуда не годятся!

– Свободна, Летти, спасибо. – И графиня отпустила «мисс Нахальство».

Та, еще раз хихикнув, сделала книксен и убежала.

Тут я вспомнил, как меня сегодня ругала мисс Лили, и усмехнулся... Мой гнев значительно поутих. Даже стало весьма неловко за свои высокомерные мысли. Я мягко отодвинул от себя чашку из тонкого китайского фарфора с остывающим чаем, ожидая, когда графиня начнет важный разговор.

– Лорд Инсбрук, вы мне так и не ответили, что послужило причиной вашего в большой степени внезапного порыва. Романтика? Мечь?

– Леди Торнхилл, мне почти тридцать лет, у меня есть крупное имение, и не одно. Титул. И совершенно неподходящий наследник. Мне не все равно, что будет с теми, кто от меня зависит! – Это была правда. Правда, которая только что до меня дошла.

– Это ничего не объясняет. Для подобного вы могли подобрать другую, более подходящую леди или, в крайнем случае, начать ухаживать, как положено в таких ситуациях, и только потом объявлять помолвку на собственном бале в ее честь...

Скептически на меня посмотрев, она допила чай и вновь, аристократично повернувшись, позвонила в колокольчик. На этот раз девушка появилась быстро. Она ловко установила чашки и все тарелочки на массивный поднос и, так же порхая, как и вошла, удалась.

В Лондоне ни одной сплетни не скрыть, и скоро графиня все равно узнает о пари.

– Миледи, вынужден признаться, что мною руководил азарт. Я самым низким образом заключил пари, что женюсь на вашей внучке невзирая ни на что.

– Что же послужило основанием для такого спора? – Холодом внезапно охрипшего голоса графини можно было потушить все горящие очаги Лондона.

– Мое желание жениться...

– И необычность моей внучки?!

Это был не вопрос... Леди Торнхилл в свете боялись, она была умной и нетерпимой к подлости, всегда поступая в соответствии со своими принципами справедливости.

Молча кивнул. Сейчас я даже не мог предположить, чем в дальнейшем способен обернуться мой пьяный проступок, помноженный на откровенность. Но тут совершенно неэлегантно распахнулась дверь, и с криком: «Бабушка, представляешь...» – в гостиную ворвалась Джулиана, словно прохладный вихрь в жаркий день, избавив меня как минимум от неприятного разговора. Я сидел, прикрытый высокой диванной спинкой, украшенной по контуру планками красного дерева, благодаря этому девушке меня видно не было.

– Я научилась объезжать любую лошадь, и наш грум, мистер Гарри, сказал, что в жизни видел всего нескольких мужчин, владеющих этими навыками в подобной степени.

Графиня, сразу смягчившись, похвалила внучку:

– Джил, удостоиться похвалы от ворчуна Гарри – великая честь. На моей памяти почти за тридцать лет – это вторая. Первая была, когда конные прогулки освоила твоя мама. – Графиня уже улыбалась, вернувшись в прошлое. – Она также удостоилась высокой оценки грума. Как сейчас помню, он помог Пру спуститься с лошади и сказал: «Наконец, леди, вы настолько освоили конные прогулки, что можете спокойно ездить на осле!»

Не бог весть какая шутка, но они от души рассмеялись. Было понятно, что графиня на миг позабыла обо мне.

Оказывается, моя невеста еще и посмеяться любит. Джулиана быстро пересекла половину гостиной и склонилась поцеловать бабушку. Да она была просто прекрасна в бархатной голубой амазонке и веселенькой шляпке с перьями, подобранной тон в тон. Ее каштановые локоны выбились из прически и, наверно, выглядели до неприличия небрежно, но ей так шло все это, что я, к своему удивлению, с удовольствием засмотрелся на будущую жену. Тут она заметила меня, и внезапно куда-то исчезла веселая внучка Джил, а передо мной вновь стояла холодная мисс Дункан из бального зала.

Я легко поднялся с кресла и, чинно поклонившись, поприветствовал ее, как положено приветствовать леди.

– Лорд Инсбрук, рада видеть вас, – противопоставив равнодушие в голосе смыслу сказанного приветствия, ответила мисс Джулиана. Она сделала реверанс и, извинившись, пошла наверх переодеться.

Графиня тут же вспомнила, на чем мы остановились, и, медленно повернувшись ко мне, стала испепелять гневным взглядом. Видимо, сейчас и решалась моя судьба. Шли минуты. Напряжение нарастало. Но тут, переодевшись с поразительной для леди скоростью, в дневном платье персикового оттенка и со строгим пучком на голове мисс Джулиана появилась в комнате, легко покачивая бедрами.

– Это в высшей степени неприличная ситуация... – начала было графиня, но девушка, вновь поцеловав ее в щеку, произнесла:

– Бабушка, уже все решено, не переживай! Я же сказала, что мне лорд Инсбрук симпатичен и подходит в мужья.

Она произнесла это так, что меня покорила такая ее приязнь... Сушеная вобла... Но тут я вспомнил, как эта счастливая девчонка влетела в комнату с прогулки и... запутался.

– Хотелось бы, чтобы все было так... благополучно, как ты говоришь, дорогая, – вздохнула графиня, протянув руку мисс Дункан.

Та улыбнулась, чтобы поддержать бабушку.

– Значит, все неизменно? – поинтересовался я. – Тогда позвольте пригласить вас, мисс

Дункан. Вы, как я понял, предпочитаете конную прогулку пешей? Тогда завтра окажите мне честь прогуляться в Гайд-парке?

Джулиана вежливо кивнула:

– Великолепно. В семь утра вас устроит?

– Да...

– Буду ждать вас у входа, – вежливо сообщила Джулиана, сделав легкий книксен.

– Хорошо... – Я коротко поклонился.

Вот и все. Я незаметно выдохнул: ох, все позади. Медленно поднялся, поклонился графине и мисс Дункан и вышел вон. Еще не дойдя до двери, услышал щебет молодой мисс, по-детски хвастающей бабушке, какие па сегодня выполняла ее лошадка.

Ни слова о свадьбе... И обо мне... Н-да...

Хорошо, откровенно говоря, меня тоже не особо волновало, что именно эта женщина будет играть роль моей жены. Я дома почти не бываю, даже когда нахожусь в поместье вне сезона. И судя по реакции – это не очень расстроит мою будущую жену.

Вспомнив еще раз, как она радовалась, что научилась хорошо управляться с лошастью, я подивился тому, что начинаю воспринимать мисс Дункан по-другому. Непросто как еще одну знакомую мисс, а как личность. Но все равно где-то в душе засела настоящая обида. Предложи я любой леди в свете подобный вариант, она бы была счастлива. Ладно, у этой мисс Дункан достойные манеры и поведение в обществе, значит, она превосходно устроит меня в качестве спутницы жизни. Да, вероятно, так и будет!

Привычка прогуливаться по улицам Лондона, чтобы успокоиться и подумать, давала возможность встречать тех, кого давно не видел... Эдмонда, например. Я улыбнулся.

День выдался на редкость холодным даже для позднего октября. С момента, как покинул дом графини, я уже успел пройти два квартала к дому Клея. Надеюсь, успею до него добраться, пока не начнется дождь. С опаской взглянул вверх, качая головой. Все небо было затянуто свинцовыми облаками, и резкий пронизывающий ветер с радостью подгонял тяжелые темные тучи к Лондону.

Сейчас я ощущал себя подобным облаком, несущимся прямо в объятия грозы... Грустные прохожие, закутанные поплотнее от пробегающего сквозь все преграды холода, не поднимая лиц, суетливо торопились кто куда...

Навстречу мне шла семья: молодая женщина и маленький мальчик, одетые совершенно не по сезону. Одной рукой миссис тщетно пыталась запахнуть полы потертой накидки, знававшей лучшие времена, другой – крепко держала мальчугана лет пяти в легкой одежде под теплым платком крест-накрест. Не знаю, что на меня подействовало, то ли особенно холодный порыв ветра, то ли грустный взгляд малыша, но я остановился. Галантно поклонившись и приподняв шляпу, я обратился к женщине с вопросом:

– Сударыня, простите за беспокойство, подскажите мне, пожалуйста, как попасть на Хеймаркет?

Она, остановившись, замялась и, настороженно взглянув на меня, вежливо ответила хорошо поставленным голосом образованного человека:

– Вам необходимо сначала выйти на Пэл Мэл, а оттуда вы сразу попадете на Хеймаркет.

– Благодарю вас, как попасть на Пэл Мэл, я знаю.

Я наклонился к малышу и незаметно сунул в складки его платка золотую монету в пять гиней, потрепав за худенькую щечку, улыбнулся им обоим.

Вежливо распрощавшись с замершей миссис, соблюдая всевозможное достоинство, я

быстро отошел, ускоряя шаг. Даже перешел на другую сторону улицы, стремясь уйти как можно дальше, пока моя помощь не обнаружена. Позади раздался негромкий женский вскрик. Сюрприз найден. Превосходно!

В отличном настроении я быстро приближался к дому Клея, довольный тем, что меня не остановили. Мимо промчалась громоздкая карета, едва не задавив торговавшего газетами мальчишку. Я энергично прошел еще несколько кварталов, раскланявшись с парой знакомых по «Уайт-клубу», и обдумывая, как достойнее провести остаток времени, отпущенного до свадьбы. Я собирался подойти прямо к дому друга, но тут запряженная взмыленной четверкой лошадей закрытая черная карета, которая только повернула со стороны ближайшей аллеи, понеслась, рассекая лужи, прямо на меня.

– Стой, шельмы!.. – кричал кучер обезумевшим лошадям, незаметно их... подгоняя.

На миг я замер, всматриваясь в возницу, неопратно одетого, со следами верной любви к алкоголю. Этот негодяй, заметив мое внимание, нагло ухмыльнулся полупустым ртом. Визг испуганных женщин, топот копыт, грохот кареты, несшейся на полном ходу... весь мир скрутился в один-единственный миг, превратившись в сгусток растянутого времени.

Я отпрыгнул. Не знаю, как мне это удалось, но даже не упал. Лихач, уверенно управляя распаленными конями, унесся прочь. Несколько выведенный из себя этим происшествием, я постучал тростью в дверь к Эду. На удивление, дверь открыл сам граф Клей, проворчав вместо приветствия:

– Инсбрук, здесь висит колокольчик... – Потом, спохватившись, с участием поинтересовался: – Как ты? Отошел? Я думал, что ты до следующего утра не встанешь...

Я удивленно посмотрел на друга. Интересно, кого он ждет, что сам к гостям выходит?!

Потом спокойно ответил:

– Как видишь, я здесь. Был у графини Торнхилл, мы обговаривали подробности бракосочетания.

Эдмонд молча осмотрел меня и спросил:

– Что ты намереваешься теперь делать?

Я уверенно заявил:

– Использовать оставшуюся свободу по максимуму!

Джил

Сегодня день выдался на редкость суматошным. До обеда я тренировалась. Мне было просто необходимо чем-нибудь загрузить свое тело, не привыкшее к покою. Иначе... казалось, что я сойду с ума от излишка ненужной энергии.

Единственное, что я могла делать, не нарушая исторических предписаний, – это освоить конные прогулки. Кстати, это было тем самым, чего я никак не могла добиться на станции, хотя в точности изучила все теоретические нюансы. Сегодня я загоняла двух кобылок до нервной дрожи, зато теперь чувствовала себя уверенно на любой лошади, обитавшей у бабушки в конюшне.

Конечно, серьезно овладеть навыками за две недели я бы не смогла, но основы постигла и даже начала немного рисковать – к неудовольствию старого грума, который все это время скептически наблюдал за моими потугами. Ведь вживую я коней никогда не видела и первое время даже немного их побаивалась, чем вызывала презрительное фырканье жеребца и высокомерно-снисходительные улыбки у престарелого Гарри.

Я уже поняла, что бабушке чрезвычайно свойственно милосердие: она собирала людей

без будущего, заботилась о них и помогала обездоленным. Вот и своему верному Гарри она не раз предлагала купить небольшой домик и наделить пенсией, но он упорно отказывался, предпочитая энергично возиться с лошадьми при графине. Бабушка ценила подобную преданность, поэтому в Лондоне новых грумов у нее не было.

Я подозревала, что у нее в доме нашли себе прибежище опозоренные служанки и бывшие узники Ньюгейта. Она настоящая христианка, которая серьезно относилась к вере не по букве, а по духу.

Я совсем позабыла о визите графа, назначенном на полдень. И, появившись расхристанной после тренировки, шокировала его. А он меня окончательно разочаровал... Теперь не буду обращать внимание на то, как он выглядит. Для меня граф навсегда останется высоким и элегантным мужчиной с злым взглядом. Инсбрук хоть и улыбался, но его темные глаза смотрели на меня, прагматично оценивая, словно коня на ярмарке. И бабушка явно была расстроена.

Тон его голоса был вежливо ледяным. Интересно, чем это я вызвала такое неудовольствие? Хотя... что за самолюбие и обиды?! Мне срочно нужно наладить с ним отношения, иначе проект осложнится. Пока все шло просто чудесно, он сам меня нашел и предложил вступить в брак... На такое ведь точно никто не рассчитывал!

В час дня нам нанесла визит бабушкина подруга с двумя внучками. Виконтесса Клифтон, крупная женщина с низким голосом, выглядела благодаря излишним пропорциям тела моложе бабушки.

Я повела двух девушек в розарий за домом. Внучки виконтессы, девицы чуть постарше и помладше меня, вначале держались сухо, исключительно в границах холодной вежливости, но постепенно, вспоминая подробности вчерашнего бала, развеселились.

Старшая мисс, невысокая, хрупкая брюнетка, хихикнула, прикрыв ладошкой рот, и спросила:

– Теперь все говорят, что у вас с графом Инсбруком была длительная романтическая связь, но дедушка нам сегодня во всем признался...

Я хотела узнать, в чем же признался виконт Клифтон, но девушку перебила младшая сестра Виолет:

– Под нажимом бабушки... он признался... – Она была внешне копия старшей, Беллы, но чуть более кругленькая.

– Да, все так. – Белла солидно кивнула. – Под нажимом бабушки дедушка признался, что это он вчера вечером в мужском клубе рассказал графу о вас.

Я любезно ответила:

– Теперь я знаю, кого мне благодарить за лучшего жениха в Лондоне.

Девчонки, переглянувшись, глупо захихикали, не размыкая губ.

Что же там такое и почему виконту понадобилось графу обо мне рассказывать? Никак не выказывая своего любопытства, я улыбнулась вместе с ними. Благо это просто моя работа, иначе на месте настоящей ранимой барышни девятнадцатого века мне было бы больно от их любопытства и глупости.

[Купить полную версию книги](#)

Олмак – зал, где организовывались общественные балы для дебютанток.

Татерсолз – знаменитая ярмарка, куда съезжались со всей Англии заводчики лошадей.